1585.

Изслѣдованіе
о
мѣрахъ огражденія
имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ,

по началамъ

древнѣйшаго Русскаго права.

для полученія степени Доктора юридическихъ наукъ,

написалъ

А. Станиславскій

Казань
1851.

Разсматривая внимательно содержаніе древнѣйшаго памятника Русскаго Законодательства, мы убѣждаемся что Правда Русская, даже въ позднѣйшемъ своемъ видѣ, содержитъ исключительно почти постановленія, отчасти опредѣляющія, но, еще болѣе, охраняющія взаимныя отношенія частныхъ лицъ между собою. Постановленія эти имѣютъ въ виду не только отношенія личныя гражданъ, но также, и даже по преимуществу, ихъ отношенія имущественныя. Въ слѣдствіе того утвердительно можно сказать, что Русская Правда есть сборникъ постановленій частнаго права. Извѣстно однакожъ, что большая часть ученыхъ, разсматривавшихъ до настоящаго времени содержаніе Правды,

видимъ въ ней собственно уложеніе уголовное, съ прибавленіемъ не многихъ статей гражданскаго права. Мнѣніе это противорѣчитъ, по видимому, положенію мною высказанному, и потому я считаю своею обязанностію показать въ чемъ именно состоитъ это различіе мнѣній и откуда оно происходитъ?

Замѣченное противорѣчіе состоитъ преимущественно въ различіи взглядовъ на отношенія возраждающіяся въ общественной жизни и проистекаетъ единственно отъ неодинаковаго образа воззрѣнія на систему права вообще. Тѣ, которые въ разсматриваемомъ нами памятникѣ законодательства видятъ исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно, сборникъ законовъ уголовныхъ и утверждаютъ притомъ, что онъ заключаетъ въ себѣ весьма только не

многочисленныя статьи, относящіяся къ области гражданскаго права, смотрятъ конечно на законы уголовные, какъ на совершенно самостоятельную часть системы законодательства, подобно тому, какъ самостоятельными частями считаются законы государственные и гражданскіе. При такомъ взглядѣ на систему права, вообще, и на законы уголовные, въ особенности, весьма естественно является желаніе пріобрѣсти, такъ сказать, сколь возможно болѣе содержанія для части законодательства, признаваемой самостоятельною, а отсюда проистекаетъ опять то, что всякое правило, каждое встрѣчаемое постановленіе, коль скоро въ немъ находится какой нибудь намекъ наказанія, или даже пени, подводится подъ рубрику законовъ карательныхъ или уголовныхъ. Такъ какъ большая часть статей Правды дѣйстви-

тельно содержитъ въ себѣ такіе намеки, а иногда и точныя опредѣленія наказаній, то поэтому нѣкоторые, какъ я уже замѣтилъ, и называютъ древнѣйшій памятникъ Русскаго Законодательства, уголовнымъ уложеніемъ, или сборникомъ карательныхъ законовъ. Но едвали такое воззрѣніе на законы уголовные, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ проистекающіе отсюда выводы, могутъ быть признаны удовлетворительными. Сущность и назначеніе законовъ уголовныхъ состоитъ въ томъ, чтобы, установляя извѣстныя невыгоды за нарушеніе правилъ, опредѣляющихъ правомѣрныя отношенія, въ томъ или другомъ видѣ человѣческаго общества уже существующія, придать этимъ правиламъ болѣе прочности, охранить ихъ, сколько это возможно, отъ нарушенія. Такимъ образомъ законы уголовные явля-

ются какъбы восполненіемъ другихъ, прежде уже опредѣленныхъ правилъ, они даже составляютъ необходимую, существенную часть ихъ. Но, такъ какъ появленіе постановленій, опредѣляющихъ какія нибудь невыгоды или наказанія, заставляетъ предполагать уже существованіе другихъ правилъ, за нарушеніе которыхъ и могутъ только быть назначены эти наказанія, то по этому мы не можемъ признать законовъ уголовныхъ самостоятельною частію законодательства и, напротивъ, должны поставить ихъ въ зависимость отъ тѣхъ законовъ, или правилъ, которые имъ предшествовали и которымъ они служатъ дополненіемъ и охраненіемъ.

И дѣйствительно, каждое постановленіе, входящее въ составъ законовъ уголовныхъ, соотвѣтствуетъ необходимо какому нибудь ясно выраженному, или подразумѣваемому правилу, опредѣляющему извѣстныя отношенія въ об-

щества, такъ что въ системѣ законовъ уголовныхъ можетъ, и даже должно быть сдѣлано столько подраздѣленій, на сколько отдѣловъ можетъ быть разложена система законовъ опредѣлительныхъ. А такъ какъ послѣдніе имѣютъ въ виду или опредѣлить точнѣе отношенія уже существующія, или даже установить новыя, то по этому законы опредѣлительные могутъ быть главнымъ образомъ раздѣлены на столько частей, сколько замѣчается главныхъ видовъ отношеній въ общественной, и въ особенности, государственной жизни. Если мы обратимъ вниманіе на внутренній организмъ Государства, то увидимъ, что въ жизненномъ его процессѣ возникаютъ и развиваются постоянно два вида отношеній. Такъ какъ Государство есть совокупность множества единичныхъ лицъ, соединенныхъ въ одно бла-

гоустроенное общество, подъ управленіемъ Верховной, общественной власти; то, съ одной стороны, мы замѣчаемъ въ немъ разнообразнѣйшія отношенія частныхъ лицъ между собою, съ другой видимъ, что эти же частныя лица, какъ части составляемаго ими цѣлаго (какъ члены государства), находятся необходимо въ весьма многоразличныхъ отношеніяхъ къ этому цѣлому, и въ особенности, къ представительницѣ его — общественной власти. Первыя изъ этихъ отношеній называются *частными*, вторыя *общественными*, или *публичными*. Ни тѣ, ни другія, въ благоустроенномъ обществѣ, не могутъ быть предоставлены произволу; напротивъ, они нуждаются въ извѣстныхъ опредѣленіяхъ, или правилахъ, которыя придаютъ имъ характеръ правомѣрности и которыя называются законами. Такимъ образомъ совокупность правилъ, опредѣляющихъ, или уста-

новляющихъ отношенія частныхъ лицъ между собою, называются законами частными или гражданскими; правила же, опредѣляющія или установляющія отношенія общественныя, государственныя, носятъ наименованіе законовъ государственныхъ. Только эти два вида законовъ могутъ быть признаны самостоятельными, хотя впрочемъ содержаніе однихъ состоитъ часто, и по необходимости, въ связи съ содержаніемъ другихъ; всѣ прочіе виды законовъ, имѣя своею цѣлію огражденіе или охраненіе отношеній, опредѣленныхъ уже законами гражданскими, или государственными, состоятъ, такъ сказать, въ зависимости отъ нихъ – не могутъ и не должны быть самостоятельными. Что касается до законовъ уголовныхъ, въ особенности, то тѣ изъ нихъ, которые направлены на обезпеченіе и охраненіе отношеній частныхъ

лицъ между собою, могутъ быть примкнуты къ системѣ права частнаго, или законовъ гражданскихъ; тѣ же, которые имѣютъ въ виду огражденіе правомѣрныхъ отношеній частныхъ лицъ къ государству, могутъ найти мѣсто въ системѣ законовъ государственныхъ.

Обращаясь теперь къ Русской Правдѣ и разсматривая содержаніе отдѣльныхъ статей ея, мы убѣждаемся, что изъ 145 статей, помѣщенныхъ Д. Калачовымъ[1] въ полнѣйшемъ изданіи его текста нашего памятника, три только могли быть отнесены къ области государственнаго права, именно къ той части его, которая въ системѣ нынѣ дѣйствующаго Русскаго Законодательства носитъ названіе законовъ благоустройства. Въ одной изъ нихъ („А се закладаюче

(1) Изслѣдованія о Русской Правдѣ. Москва. 1846. Ч. 1. Отд. III стр. 73 — 138.

городъ") опредѣляется содержаніе городнику, какъ лицу, наблюдающему за срубкою города; въ другой („А се уроци мостьнику") назначается вознагражденіе мостнику за работу, и наконецъ въ третьей („о городскыхъ мостѣхъ") установляются правила мощенія улицъ въ Новгородѣ. Двѣ первыя статьи имѣютъ какъ бы характеръ общихъ опредѣленій, — послѣдняя, напротивъ, есть особенный законъ, для одного только Новгорода. Замѣтимъ притомъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды, вовсе даже не находится этихъ статей, въ другихъ же недостаетъ которой нибудь изъ нихъ. Такъ напр., разсматривая текстъ Русской Правды, изданный тѣмъ же Г. Калачовымъ,(2) на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій, мы видимъ, что въ спискѣ Князя Оболенскаго (IV)

(2) Москва. 1846 г. 8°.

нѣтъ ни одной изъ означенныхъ статей; въ спискѣ академическомъ (I) есть только статья о мостникахъ и та поставлена на концѣ какъ бы въ видѣ прибавленія къ остальнымъ статьямъ, составляющимъ существенное содержаніе Правды; въ спискахъ Троицкомъ (II) и Карамзинскомъ (III) находятся статьи о городникѣ и мостникѣ, но мѣсто, которое онѣ здѣсь занимаютъ, заставляетъ предполагать, что статьи эти включены въ текстъ Русской Правды не при первоначальной ея редакціи, но развѣ позднѣйшими переписчиками, которые вѣроятно позволяли себѣ, не только списывать, но и пополнять нѣкоторыми, имъ извѣстными, постановленіями текстъ законодательнаго памятника. Въ обоихъ означенныхъ спискахъ (II и III), статьи о городникѣ и мостникѣ вставлены, не понятно почему именно, между по-

становленій о наслѣдствѣ. Въ томъ и другомъ изъ этихъ списковъ, означеннымъ — статьямъ предшествуетъ правило: „Аже будеть сестра въ дому, то той задниці не імати, но отдадять ю за мужь братья, како си могуть"; а за нимъ слѣдуетъ постановленіе: Аже будуть робьи дѣти оу моужа", то задници имъ не имати, но свобода имъ съ матерью." Что же касается до статьи, опредѣляющей порядокъ мощенія улицъ въ Новгородѣ, то, изъ четырехъ списковъ, напечатанныхъ Г. Калачовымъ, она находится въ одномъ только Карамзинскомъ, гдѣ и помѣщена на концѣ, подъ цыфрою 134, за нею же приписана еще одна только статья „о мужѣ." Но, если бы даже статьи эти находились во всѣхъ спискахъ Правды, если бы даже можно было доказать несомнѣнно, что онѣ нашли въ ней мѣсто при первоначальной ея редакціи; то, и въ такомъ случаѣ,

принимая во вниманіе скудость ихъ содержанія, можно было бы сказать, что власть законодательная того времени нисколько не считала необходимымъ установлять правила, опредѣляющія или ограждающія отношенія публичныя, государственныя, но зато обратила она особенное вниманіе на опредѣленіе и охраненіе правомѣрности отношеній частныхъ, какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ. И дѣйствительно, какъ мы сейчасъ уже видѣли, изъ 143 статей, три только, по своему содержанію, могутъ быть отнесены къ области государственнаго права, остальныя 140, Г. Калачовъ распредѣляетъ на три группы: a, на статьи относящіяся къ праву гражданскому; b, статьи, относящіяся къ преступленіямъ и наказаніямъ, и наконецъ c, статьи, относящіяся къ судопроизводству. Мы, съ своей стороны, обращая вниманіе на содержаніе всѣхъ этихъ статей,

въ однихъ изъ нихъ видимъ правила, опредѣляющія и установляющія правомѣрность отношеній частныхъ (личныхъ и имущественныхъ); въ другихъ усматриваемъ постановленія, непосредственно имѣющія въ виду огражденіе этихъ частныхъ отношеній отъ возможнаго ихъ нарушенія, посредствомъ назначенія различныхъ наказаній за дѣйствія противозаконныя; въ третьихъ, наконецъ, опредѣляется порядокъ разбирательства между частными лицами, по поводу возникающихъ между ними споровъ о принадлежности правъ, и способы удовлетворенія лицъ, признанныхъ обиженными. Къ числу послѣднихъ отнести должно и тѣ статьи разсматриваемаго нами памятника, въ которыхъ указывается на судебныя издержки, или плату чиновникамъ, принимавшимъ участіе въ разбирательствѣ частныхъ споровъ и содѣйствовавшихъ воз-

становленію нарушенныхъ правъ. Надобно впрочемъ замѣтить, что многія статьи Правды представляютъ намъ смѣшанное содержаніе, такъ что нерѣдко въ одной и тойже статьѣ найти можно и правило опредѣлительное, и мѣру его огражденія, и наконецъ указаніе на порядокъ суднаго разбирательства. Въ слѣдствіе того, совершенно систематическое распредѣленіе статей Правды, по тремъ означеннымъ отдѣленіямъ, весьма трудно и надобно было бы для этаго разбивать ихъ на части, при чемъ очень нелегко избѣгнуть недоразумѣній и промаховъ. Какъ бы то ни было, несомнѣннымъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется то, что содержаніе всѣхъ статей нашего памятника ясно обнаруживаетъ особенную, почти исключительную, заботливость законодательной власти объ опредѣленіи и охраненіи правомѣрныхъ отношеній

частныхъ лицъ между собою, и вотъ почему называлъ я Русскую Правду сборникомъ постановленій частнаго Права.

Попытаюсь теперь объяснить себѣ: почему именно древнѣйшій памятникъ Русскаго законодательства есть, можно сказать, исключительно памятникомъ частнаго права, а не государственнаго. Явленіе это должно имѣть свою причину, свое разумное основаніе — Was wirklich ist, das ist vernünftig.

Изъ всѣхъ проявленій общественной жизни, по которымъ догадываться можно о степени ея развитія въ извѣстную, опредѣленную эпоху, законодательство есть конечно такимъ, въ которомъ, явственнѣе нежели въ каждомъ другомъ, отражается бытъ и характеръ народа. Возраждаясь и развиваясь вмѣстѣ съ государствомъ, законодательство принимаетъ въ себя всѣ оттѣнки развитія обще-

ственной жизни и тщательно ихъ сохраняетъ, какъбы на память грядущимъ вѣкамъ, раскрывая предъ ними мысли и потребности временъ минувшихъ. Видя въ рассматриваемомъ древнѣйшемъ памятникѣ Русскаго законодательства исключительно почти — одни постановленія, имѣющія цѣлію опредѣленіе или охраненіе правомѣрности отношеній частныхъ лицъ между собою, мы должны предположить, что общество, среди котораго памятникъ этотъ явился, въ эпоху его появленія, стояло на той ступени развитія, на которой отношенія частныя и частныя цѣли поглощаютъ еще все вниманіе общества; между тѣмъ какъ отношенія и цѣли общественныя или поставлены, если можно такъ выразиться, на второмъ планѣ, или даже вовсе еще не проникли въ народное сознаніе. Справедливо ли это предположеніе и до какой сте-

пени? На этотъ вопросъ поищемъ отвѣта въ исторіи Славянъ Русскихъ и во сказаніяхъ о началѣ Русскаго Государства.

Извѣстія, сообщенныя намъ византійскими писателями о бытѣ Славянъ дунайскихъ,(3) и, еще болѣе, повѣствованіе Нестора о состояніи Славянъ Русскихъ, до призванія варяжскихъ князей,(4) заставляютъ насъ думать, что, какъ тѣ, такъ и другіе, начиная съ того времени когда они становятся извѣстными дѣеписателямъ и до половины IX столѣтія, жили въ томъ видѣ человѣческаго общества,

(3) См. Карамзина Ист. Гос. Росс. 1 изд. Т. 1, стр. 72–80 и къ нимъ примѣчанія, также Rakowieckiego Prawda Russka, Т. 1, стр. 45–47.

(4) Ewers. Das älteste Recht der Russen. Dorpat. 1826. Einleitung. Рейцъ. Опытъ Исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ. Переводъ Морошкина. Москва. 1836, введеніе.

которое называется союзомъ родовымъ и составля-
етъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, первую, по мнѣнію
другихъ, вторую ступень развитія общенія между
людьми. Какъ бы то ни было, союзъ родовой, раз-
виваясь непосредственно изъ союза семейнаго, по-
добно сему послѣднему поддерживается въ су-
ществѣ своемъ сознаніемъ его членовъ о един-
ствѣ ихъ происхожденія отъ общаго родона-
чальника, кровнымъ, такъ сказать, родствомъ,
единствомъ нравовъ и обычаевъ и, отчасти мо-
жетъ быть, общею поземельною собственностію,
которая, въ началѣ по крайней мѣрѣ развитія
этаго союза, служитъ внѣшнимъ выраженіемъ
единства его членовъ. Весьма натурально что,
по мѣрѣ расширенія союза родоваго - по мѣрѣ
умноженія семействъ, входящихъ въ составъ
его и удаленія ихъ отъ общаго родоначальника,
всѣ связи, которыми союзъ этотъ поддержи-
вался, должны ослабѣть. Мало-по-малу теря-

ется сознаніе родства или единства происхожденія, вмѣстѣ съ тѣмъ единство нравовъ и обычаевъ исчезаетъ и уступаетъ необходимо мѣсто разнообразію, самое наконецъ общее владѣніе землею становится не возможнымъ. Такимъ образомъ, на мѣсто одного союза родоваго, является ихъ болѣе или менѣе значительное количество; всѣ они вмѣстѣ взятые составляютъ племянной союзъ, но каждый изъ нихъ считаетъ себя самостоятельнымъ, независимымъ, равнымъ каждому другому, каждый управляется своимъ родоначальникомъ и руководствуется собственными нормами права - своими обычаями и правами. Въ такомъ состояніи находились вѣроятно Славяне Русскіе, до призванія Варяговъ, и это то состояніе хотѣлъ конечно представить намъ лѣтописецъ въ извѣстныхъ словахъ: „живяху кождо съ родомъ своимъ, на своихъ мѣстахъ

и володѣя родомъ — кождо свой нравъ имѣяху.")

При такомъ раздробленіи племени на множество самостоятельныхъ родовыхъ общинъ, весьма легко могутъ произойти между ними враждебныя столкновенія, смуты и междоусобія, которыя мало-по-малу усиливаются до того, что, не видя другаго исхода вѣчной враждѣ и неустройствамъ, отдѣльныя родовыя общины, или ихъ представители — родоначальники, соглашаются отказаться отъ своей самостоятельности и признать надъ собою высшую, *общую* для всѣхъ родовъ власть — власть общественную, въ собственномъ значеніи этаго слова. Подтвержденіе этому находимъ мы опять и въ исторіи Славянъ Русскихъ и въ преданіяхъ другихъ Славянскихъ племенъ. Несторъ изображаетъ внутренніе раздоры Русскихъ Славянъ слѣдующими, многозначущими словами: „*и почаша сами въ себѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и восташа*

„родъ на родъ и быша въ нихъ усобицы." Эти междоусобія, споры о первенствѣ одного рода предъ другимъ и сознаніе гибельнаго ихъ вліянія на благосостояніе страны обширной и богатой, заставило Славянъ Новогородскихъ и ближайшихъ ихъ сосѣдей Финновъ (Чудь) обратиться къ Варяго-Руссамъ и предложить тремъ братьямъ (Рюрику, Синеусу и Трувору) поселиться у нихъ и управлять ими. „И идоша „за море, къ Варягомъ Руси, ащебо тіи звахуся „Варяги-Русь....... Тако рѣша (рѣча?) Руси Чудь „и Словене, и Кривичи, и вси: земля наша вели„ка и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поиде„те у насъ княжити и володѣти."(5) Такимъ образомъ Славяне Новогородскіе и сосѣдніе съ ними племена кончили свои междоусобія, отказываясь отъ своей самостоятельности въ пользу призванныхъ ими чужеземныхъ

(5) Несторъ по Кенигсб. сп., у Рейца, перев. Морошкина стр. 13.

властителей. Явленіе это весьма правдоподобно объясняетъ Рейцъ,[6] предполагая, что зависть и вражда различныхъ племенъ, участвовавшихъ въ споръ, не дозволили имъ избрать властителя изъ своей среды, между тѣмъ какъ Богемцы, которые находились въ подобномъ же состояніи, вышли изъ него, предавая власть въ руки избраннаго изъ туземцевъ князя. Какъ бы то ни было, какъ скоро установляется власть общественная, превыше власти отдѣльныхъ родоначальниковъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, союзъ родовой теряетъ уже прежнее свое значеніе общества самостоятельнаго и подчиняется вновь возникшему, высшему и болѣе объемистому союзу-общеніе между людьми восходитъ такимъ образомъ одною ступенью выше. Но общество, въ которое переходитъ родовой союзъ, не есть еще окончательнымъ выраженіемъ общенія между людеми и крайнимъ предѣломъ его развитія, — обще-

(6) Тамъ-же, стр. 14, прим. 2.

ство это не есть еще государство, въ настоящемъ значеніи этаго слова. Между союзомъ родовымъ и союзомъ государственнымъ, который считается послѣднею ступенью, на которую можетъ возвыситься человѣческое общество, есть еще ступень посредствующая — это общество гражданское или союзъ гражданскій. — „Die bürgerliche Gesellschaft, говоритъ Гегель, ist die Differenz, welche zwischen die Familie und den Staat tritt." Надобно однако замѣтить, что понятія государства и гражданскаго общества стали быть различаемы, начиная только съ послѣдняго десятилѣтія прошедшаго вѣка; но и до настоящаго времени не всѣ *признаютъ* это различіе, быть можетъ потому, что не всѣ *сознаютъ* его. Конечно, въ союзѣ гражданскомъ замѣчаемъ мы тѣ же элементы, какіе потомъ видимъ и въ государствѣ, тамъ и здѣсь ясно уже обознача-

ется власть верховная союза, подчиненныя ей установленія, средства и силы общества, для достиженія его цѣлей. Но всѣ эти необходимые элементы общественной жизни, въ такъ называемомъ союзѣ гражданскомъ, далеко еще не достигли той полноты и стройнаго развитія, той разумной организаціи, какія составляютъ уже отличительный признакъ высшей ступени человѣческаго общества - признакъ государства. Болѣе однакожъ нежели полнѣйшимъ развитіемъ началъ общественной жизни, государство различается отъ гражданскаго общества своею цѣлью. Будучи окончательнымъ выраженіемъ развитія общенія между людьми, возвышаясь надъ всѣми предшествовавшими ему союзами, а тѣмъ болѣе надъ единичными лицами въ составъ его входящими, государство имѣетъ въ виду, не только облегчить членамъ своимъ способы удовле-

творенія ихъ разнороднѣйшихъ потребностей, преимущественно нравственныхъ; но, еще болѣе, сознавая значеніе общаго блага, оно поставляетъ его выше блага каждаго единичнаго лица, дѣлаетъ его предметомъ особенной для себя заботливости и направляетъ всѣ силы и средства общественныя къ полнѣйшему его осуществленію. Въ союзѣ гражданскомъ, напротивъ, всѣ зависящія отъ него средства устремлены на удовлетвореніе потребностей частныхъ лицъ, и преимущественно, матеріальныхъ. Находясь на этой ступени общенія, человѣкъ, такъ сказать, не успѣлъ еще прійти къ сознанію высшихъ своихъ потребностей и къ уразумѣнію общаго блага, которому бы онъ находилъ нужнымъ подчинить свое особенное благо. Такимъ образомъ, въ гражданскомъ обществѣ первое мѣсто занимаютъ интересы

частные, а потому и всѣ постановленія общественной власти клонятся исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно, къ ихъ огражденію.

Хотя обыкновенно призваніе варяжскихъ князей Новгородскими Славянами и признаніе власти ихъ надъ собою, называется началомъ Русскаго государства, мы однако смѣемъ думать, что фактъ этотъ прекратилъ только существованіе союза родоваго и положилъ начало гражданскому обществу, въ опредѣленномъ его значеніи, и что это общество могло только постепенно возвыситься на степень союза государственнаго. Трудно и едвали возможно предположить чтобы Славяне Русскіе, при переходѣ изъ состоянія родоваго у-спѣли вдругъ развить въ себѣ сознаніе необходимости подчиненія частныхъ своихъ интересовъ и цѣлей, потребностямъ и цѣлямъ

цѣлаго общества — сознаніе, которое, какъ мы уже видѣли, составляетъ самый вѣрный признакъ государственнаго союза. Гораздо естественнѣе предположить напротивъ, что, выходя изъ столь тревожнаго состоянія, въ какомъ, по сказанію лѣтописца находились они, до призванія варяговъ, Славяне Новогородскіе могли только заботиться о томъ, чтобы личность и имущество каждаго изъ нихъ ограждены были на будущее время отъ враждебныхъ имъ случайностей, — чтобы, подъ защитою установившейся общественной власти, каждый изъ нихъ могъ быть обезпеченъ въ спокойномъ стремленіи къ удовлетворенію своихъ, на первый случай, матеріальныхъ потребностей. Допустивъ это, по моему убѣжденію, весьма правдоподобное предположеніе, для насъ становится яснымъ, почему не только

въ древнѣйшемъ памятникѣ собственно Русскаго Законодательства, но и въ самыхъ даже договорахъ, заключенныхъ Русскими Князьями, и прежде, и послѣ изданія Русской Правды, съ иностранными державами, мы находимъ исключительно почти одни постановленія, имѣющія въ виду опредѣленіе и охраненіе отношеній частныхъ лицъ между собою. Дѣйствительно содержаніе договоровъ Олега и Игоря съ Греками, равно какъ и договора Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готландіею, гораздо больше представляетъ правилъ для опредѣленія и огражденія частныхъ, и въ особенности имущественныхъ, отношеній, нежели для опредѣленія взаимныхъ отношеній договаривающихся обществъ. И здѣсь также право частное, явнымъ образомъ, имѣетъ перевѣсъ передъ правомъ государственнымъ.

Обращаюсь теперь къ моей задачѣ, къ изслѣдованію началъ древнѣйшаго Русскаго права, ограждающихъ имущественныя отношенія частныхъ лицъ, и, прежде всего, постараюсь указать на эти начала въ договорахъ Олега (911 г.) и Игоря (945 г.) съ Греками.

Оба эти договора, не смотря на то что заключены были различными Князьями, при различныхъ обстоятельствахъ и въ довольно значительномъ другъ отъ друга разстояніи времени, должны быть, по мнѣнію Эверса(7), разсматриваемы какъ нѣчто цѣлое: именно первый изъ нихъ надобно считать какъ бы договоромъ главнымъ, второй — только дополненіемъ его. Въ это дополненіе внесены были и нѣкоторыя изъясненія началъ Олегова договора, выгодныя для Грековъ, которые,

(7) Ewers. d. ält. R. d. R. S. 112 ff.

какъ извѣстно, пользовались, при заключеніи договора съ Игоремъ, правомъ побѣдителей. Въ обоихъ договорахъ, какъ мы уже замѣтили, и въ особенности въ первомъ изъ нихъ, явно обнаруживается желаніе обеспечить личныя и имущественныя отношенія частныхъ лицъ, подданныхъ обѣихъ договаривающихся сторонъ. Изъ одинадцати статей Олегова договора, одна только, именно послѣдняя, въ которой рѣчь идетъ о выдачѣ преступниковъ, совершившихъ преступленія въ своемъ отечествѣ и бѣжавшихъ въ предѣлы другаго государства, имѣетъ въ виду выгоды обѣихъ договаривающихся державъ; остальныя всѣ направлены на обеспеченіе отношеній частныхъ. Съ самаго начала (ст. I) Руссы и Греки обѣщаютъ другъ другу миръ и вѣчную дружбу; затѣмъ (ст. II) опредѣляется общій порядокъ судебнаго разбирательства, въ случаѣ преступленія, нарушающаго эту дружбу, съ той или другой стороны; далѣе

(ст. III) установляются наказания за смертоубійство, также (ст. IV) за раны и побои. Эти первыя четыре статьи имѣютъ въ виду обезпеченіе личныхъ отношеній Руссовъ и Грековъ, равно какъ и ст. VIII, въ которой говорится о выдачѣ плѣнныхъ и вообще невольниковъ. Остальныя за тѣмъ пять статей Олегова договора, именно: V, VI, VII, IX и X, направлены исключительно на огражденіе имущественныхъ отношеній гражданъ договаривающихся сторонъ, и на нихъ преимущественно должны мы обратить вниманіе.

Вникая въ содержаніе этихъ статей, мы убѣждаемся, что участники договора имѣли въ виду всестороннее обезпеченіе права собственности и старались защитить ее, не только отъ похищенія, тайнаго или явнаго, но также отъ подлога и обмана, и даже отъ случайныхъ несчастій.

Прежде всего (ст. V) установляются мѣры

огражденія права собственности отъ тайнаго ея похищенія, или наказанія за воровство.(8) Изъ сего заключить можно, что этотъ видъ нарушенія имущественныхъ отношеній чаще другихъ встрѣчался, а строгость по отношенію къ нарушителю заставляетъ думать, что воровство считалось тогда преступленіемъ равнымъ почти убійству. Текстъ этой статьи приведенъ Эверсомъ(9) изъ Нестора, изданнаго Шлёцеромъ, въ слѣдующихъ словахъ:

„Аще украдетъ что Русинъ либо у Хрестьянина, или паки Хрестьянинъ у Русина, и ятъ будетъ въ томъ часѣ тать, егда татьбу сотворитъ, отъ погубившаго что либо; аще приготовится тать творяй и убьенъ будетъ - да не вы-

(8) Сравн. Эверсъ д. äll. R. d. R. S. 146-152. - Rakowiecki, Prawda Ruska. - Warszawa. T. 2. 1822 г. стр. 5.

(9) Эверсъ, древнѣйшее Русское Право: Переводъ Платонова, СПб. 1835. стр. 169.

„щется смерть его ни отъ Христьянъ, ни „отъ Руси, но паче да возметъ свое, иже погу„билъ.- Аще дастъ руцѣ свои украдый, да ятъ „будетъ тѣмъже, у негоже будетъ украдено, „и связанъ будетъ отдастъ тое, еже смѣ со„творити [и сотворитъ трійчій о семъ"].(10)

Эверсъ переводитъ эту статью такъ: „ежели Русинъ украдетъ что либо у Христіанина, или Христіанинъ у Русина, и будетъ пойманъ въ то самое время, когда дѣлаетъ покражу, тѣмъ который лишится чего либо (т.е. украденной вещи), и ежели укравшій приготовится (къ сопротивленію) и будетъ убитъ, то да не взыщется смерть его ни отъ Христіанъ, ни отъ Руси, но да возметъ еще обратно свое тотъ, кто потерпѣлъ убытокъ. Но, ежели тотъ, кто укралъ, отдастся въ руки, то

(10) Послѣднія слова, заключенныя въ скобки, находятся, по замѣчанію Эверса, въ одномъ только спискѣ.

да будетъ онъ взятъ тѣмъ, у кого укралъ, да будетъ связанъ и да воздастъ за то, что сотворилъ."

Отдавая должную справедливость остроумію знаменитаго изслѣдователя древнѣйшаго Русскаго права, я долженъ однако сознаться, что переводъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и толкованіе этой статьи Олегова договора мнѣ кажется не совсѣмъ удовлетворительнымъ. По мнѣнію Эверса выраженіе: *аще приготовится тать творяй*, надобно понимать такъ, какъ если бы здѣсь было написано: *аще приготовится къ сопротивленію татьбу сотворившій*; потому что въ слѣдующемъ затѣмъ положеніи говорится о ворѣ, который сдается безъ сопротивленія. Толкованіе это, выведенное черезъ противоположеніе одного правила другому, кажется нѣсколько натянуто. Хотя конечно, составители договора явнымъ образомъ

имѣли въ виду, при постановленіи втораго правила, тотъ случай, когда воръ сдается на милость застигшаго его хозяина; но изъ словъ: *аще приготовится тать творяй* нельзя безспорно заключить, что въ первомъ изъ этихъ правилъ рѣчь идетъ о ворѣ, представляющемъ сопротивленіе. Чтобы словамъ этимъ придать такой смыслъ, надобно, во-первыхъ, подразумѣвать, послѣ слова *приготовится*, слова: *къ сопротивленію*, а во вторыхъ, надобно выраженіе *тать творяй* замѣнить словами: *татьбу сотворивый* — что едва ли возможно. По моему убѣжденію, выраженіе: *аще приготовится тать творяй*, въ связи съ предшествующими словами, представляетъ довольно ясный смыслъ и указываетъ именно на тотъ случай, когда воръ приготовился уже къ совершенію преступленія, но не успѣлъ этаго

сдѣлать, бывъ застигнутъ хозяиномъ. Позволяю себѣ представить здѣсь переводъ цѣлой статьи, какъ я ее понимаю. „Если же украдетъ что либо Русинъ у Христіанина или Христіанинъ у Русина, и воръ пойманъ будетъ въ тотъ самый часъ, когда совершилъ(11) воровство, тѣмъ кто лишился чего либо (т. е. хозяиномъ украденной вещи), или же когда воръ приготовился совершить кражу, и будетъ убитъ; то ни Христіане ни Руссы не должны искать въ смерти его, но еще кромѣ того, потерпѣвшій убытокъ, долженъ получить имущество свое обратно. Если же укравшій дастъ руки свои,(12)

(11) Эверсъ пишетъ: da er den Diebstahl verübt (когда онъ творитъ кражу). между тѣмъ въ подлинникѣ читаемъ: егда татьбу сотворитъ; здѣсь глаголъ вида опредѣленнаго указываетъ на дѣйствіе уже совершенное.—

(12) какъ бы для того чтобы онѣ были связаны т. е. когда воръ повинится. Эверсъ переводитъ такъ: Wenn aber der, welcher gestohlen hat, sich in die Hand giebt.

то да будетъ онъ взятъ тѣмъ у кого укралъ, да будетъ связанъ и да воздастъ за то, что смѣлъ совершить." (13)

И такъ, по моему мнѣнію, эта статья договора не только опредѣляетъ правила какъ поступать должно съ воромъ, который не сдается на милость застигшаго его хозяина и съ тѣмъ, который повинится; но также въ ней есть намёкъ на преступленіе уже совершенное (delictum consummatum) и покушеніе къ оному (delictum attentatum). Впрочемъ и то, и другое подвергаются одинаковому наказанію, если только убійство вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, можно назвать наказаніемъ. Мы не станемъ удивляться тому, что, въ раз-

(13) Послѣднія выраженія напоминаютъ постановленія законовъ XII таблицъ о не состоятельномъ должникѣ - сходство конечно совершенно случайное; потому что и Греки уже не могли руководствоваться этими законами.

сматриваемомъ нами постановленіи, не дѣлается различія между воровствомъ уже совершоннымъ и покушеніемъ на оное, ежели вспомнимъ, что древнѣйшее Русское Право и права другихъ народовъ, на той же ступени развитія стоящихъ, не различаютъ даже убійства умышленнаго отъ случайнаго, подвергая и то, и другое кровной мести.(14) Замѣтимъ при томъ, что въ разбираемомъ нами постановленіи не обращено также вниманія на различную цѣнность вещей; по этому надобно предполагать что и тотъ, кто кралъ вещь высокой цѣны, и тотъ, кто похищалъ бездѣлицу, подвергались равной участи. Такова строгость древнѣйшаго закона - строгость, доказывающая очень ясно, какъ сильно было желаніе людей того времени обезпечить

(14) Сравн. Ewers. d. ält. R. d. R. S. 139.

жестокостію наказанія неприкосновенность частной собственности. Что касается до права, предоставляемаго хозяину вещи, убить вора застигнутаго на мѣстѣ преступленія, въ томъ случаѣ когда онъ не сдавался на милость, то, весьма справедливо замѣчаетъ Эверсъ,[15] что право это гораздо ближе подходитъ къ понятіямъ Русскаго законодательства, нежели греческаго. Подтвержденіе этому мы находимъ въ томъ, что подобное же постановленіе встрѣчается и въ Русской Правдѣ, и въ договорѣ Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готландіею (о чемъ будемъ имѣть случай говорить ниже), съ тою только разницею что, по смыслу Правды, не каждое воровство, а только кража нѣкоторыхъ

(15) Тамъ-же стр. 147 и 148.

предметовъ, могла подать поводъ къ примѣненію этаго права.

Касательно правила о томъ, какому наказанію подвергался воръ, сдавшійся на милость, то здѣсь опять представляется сомнѣніе: какъ надобно понимать слова: отдастъ тое, еже смѣ творити? Въ одномъ спискѣ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, спискѣ впрочемъ, по словамъ Эверса, исполненномъ позднѣйшихъ вставокъ, прибавлено къ этимъ словамъ выраженіе: и сотворитъ трійчій о семъ. Изъ этихъ послѣднихъ словъ надобно было бы предполагать, что воръ, пойманный и связанный, какъ выражается законъ, обязанъ былъ хозяину вещи, которую онъ намѣревался украсть, заплатить тройную цѣну ея. Такое правило, если оно дѣйствительно и существовало, могло

быть развѣ внесено въ договоръ изъ Греко-Римскаго права, но не было кореннымъ закономъ Руссовъ, какъ это весьма остроумно доказываетъ Эверсъ.(16) По мнѣнію этого ученаго выраженіе: отдастъ тое, еже сїи творити, безъ позднѣйшаго къ нему прибавленія, не значитъ что воръ обязанъ былъ заплатить только цѣну украденной вещи, но что онъ, сдавшись на милость хозяина, который иначе могъ бы убить его, обезпечивалъ такимъ образомъ жизнь свою, но зато вполнѣ подчинялся требованіямъ поймавшаго его хозяина и долженъ былъ удовлетворить его, за нанесенные ущербъ и обиду, по усмотрѣнію послѣдняго. Мнѣніе это тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что, допустивъ это предположеніе, уста-

(16) Тамъ-же стр. 142. Сравн. также Рейца, Опытъ Исторіи Росс. Госуд. и Гражд. Зак., Переводъ Морошкина стр. 61 прим. 1.

новляется нѣкоторая постепенность въ наказаніяхъ вора не сдающагося и вора сдавшагося; междутѣмъ какъ если думать, что сдавшійся воръ долженъ былъ только заплатить цѣну украденной вещи, то взысканіе это было бы слишкомъ слабо, въ сравненіи съ наказаніемъ вора, не сдающагося на милость. Конечно, можно замѣтить, что ежели не была установлена мѣра вознагражденія стороны вора, то такимъ образомъ хозяину украденной вещи предоставленъ слишкомъ большой произволъ; но самая эта неопредѣленность есть, можетъ быть, именно вѣрнѣйшій признакъ древности этаго постановленія. Мы знаемъ, что и гораздо позже сего, въ подобномъ же положеніи, по опредѣленіямъ Русскаго законодательства, находились иногда даже не воры, а несостоятельные должники.

Перейдемъ теперь къ слѣдующей статьѣ Олегова договора, опредѣляющей мѣру наказанія за насильственное завладѣніе чужимъ имуществомъ. Вотъ текстъ этой статьи (VI) изъ Нестора, сличеннаго Шлёцеромъ.(17)

„Аще кто отъ Хрестьянъ или отъ Руси,
„мученья образомъ искусъ творить и насильемъ
„явѣ возметъ что любо дружие, да вспятить
„тройче."

Текстъ этотъ представляетъ также нѣкоторыя затрудненія, въ разрѣшеніи которыхъ изслѣдователи древняго Русскаго права несогласны между собою. Раковецкій переводитъ эту статью такъ:(18)

„Ежели Русинъ или Христіанинъ, подъ предлогомъ исканія пропавшей вещи, войдетъ въ чужой домъ и, насильственно и явно, возметъ

(17) Эверса древн. Русское Право, перев. Платонова, стр. 170.

(18) Prawda Ruska. T. 2. стр. 5.

чужую вещь, то долженъ будетъ заплатить за нее втрое."

Изъ перевода этаго видно, что Раковецкій совершенно упустилъ изъ виду слова подлинника: мученья образомъ, быть можетъ потому, что они представлялись ему неудобопонятными, слово же искусъ принялъ онъ въ такомъ смыслѣ, какъ будтобы оно означало отыскиваніе чего нибудь; наконецъ онъ совершенно произвольно вставилъ въ переводъ свой выраженія: подъ предлогомъ отысканія пропавшей вещи, войдетъ въ чужой домъ. Итакъ, переводъ, или скорѣе, толкованіе Раковецкаго вовсе неудовлетворительны, тѣмъ болѣе что онъ не позаботился даже чѣмъ нибудь оправдать свои догадки.

Эверсъ, съ своей стороны, предлагаетъ слѣдующій переводъ разсматриваемой

статьи Олегова договора:

„Wenn ein Russe von einen Christen, oder „ein Christ von einem Russen mit Zwang (мученіе) den Versuch macht, so muss er es dreifach ersetzen.“(19)

Переводчикъ же Эверса слова своего подлинника передаетъ такъ: „Если кто изъ Христіанъ или Руссовъ покусится на насиліе „и возметъ что нибудь у другаго явно силою, „да воздастъ за то втрое.“(20)

Итакъ, Эверсъ и переводчикъ его слово искусъ принимаютъ въ смыслѣ покушенія, предшествующее же ему слово мученье одинъ переводитъ словомъ принужденіе (Zwang), другой словомъ насиліе. Такой переводъ и толкованіе мнѣ кажутся неудовлетворительными, потому что они явно измѣ-

(19) Das ält. R. d. R. S. 147.

(20) Эверса древн. Р. Пр. Перев. Платонова, стр. 170.

няютъ значенiе словъ подлинника и стараются придать имъ такой смыслъ, какой нуженъ былъ переводчикамъ, слѣдовательно смыслъ, отчасти по крайней мѣрѣ, произвольный. Позволяю себѣ опять предложить здѣсь мое мнѣнiе о значенiи разсматриваемой статьи. Что касается до словъ: мученье и искусъ, которыя представляютъ повидимому самое большое затрудненiе для истолкованiя смысла цѣлаго текста, то я оставляю имъ ихъ настоящее значенiе; именно подъ словомъ мученье я понимаю муку или истязанiе, слово же искусъ значитъ по моему мнѣнiю искушенiе, пытанiе, допрашиванiе. Послѣ того, мнѣ кажется, разсматриваемый текстъ можно перевести такъ: „Если кто изъ Христiанъ или изъ Руссовъ, посредствомъ мученья или истязанiя (мученья образомъ),

будетъ выпрашивать (т.е. пытать или искушать — подразумевается хозяина дома) и явно насиліемъ возметъ что нибудь чужое, то долженъ будетъ сдѣлать тройное вознагражденіе." И дѣйствительно, нельзя ли предполагать, что при установленіи этаго правила имѣли въ виду такойже случай, какой нерѣдко встрѣчается и въ настоящее время, что разбойники, забравшись въ домъ, разнаго рода истязаніями выпытываютъ у хозяина о мѣстѣ, гдѣ хранятся его деньги, или другія цѣнныя вещи, и потомъ завладѣваютъ ими, явно насильственнымъ образомъ?

Что касается до наказанія за насильственное завладѣніе чужою собственностію, наказанія состоящаго въ томъ, что грабитель долженъ былъ заплатить втрое нанесенный имъ убытокъ, то, хотя Эверсъ думаетъ, что оно могло вытекать и изъ

началъ древнѣйшаго Русскаго права, однакожъ другая догадка его мнѣ кажется болѣе правдоподобною. Весьма вѣроятно, что правило, установляющее это тройное вознагражденіе заимствовано было, по вліянію Грековъ, участвовавшихъ въ договорѣ, изъ Римскаго права, именно изъ actio vi bonorum raptorum.[21] Хотя actio vi bonorum raptorum требуетъ четвернаго вознагражденія (in quadruplum restitutio), однакожъ это различіе въ мѣрахъ вознагражденія нельзя считать важнымъ аргументомъ, для опроверженія догадки Эверса; потому что Греки, вводя въ составъ договора правило, заимствованное изъ началъ Римскаго права, могли притомъ сдѣлать нѣкоторую уступку Русскимъ, по не разгаданнымъ для насъ теперь побужденіямъ. —

(21) Эверсъ, тамъ-же, стр. 152. прим. 21.

Разсмотрѣвъ мѣры огражденія собственности отъ тайнаго похищенія и насильственнаго завладѣнія его, обратимся теперь къ той статьѣ Олегова договора, (ст. 12) въ которой, по моему убѣжденію, рѣчь идетъ о присвоеніи чужой собственности посредствомъ подлога. — Замѣчу съ самаго начала, что въ этой статьѣ говорится объ одномъ только предметѣ, собственности, именно о челядинахъ или невольникахъ, но правила здѣсь постановленныя легко могли быть примѣняемы и къ другимъ вещамъ. Текстъ этой статьи таковъ:

„Аще украденъ будетъ челядинъ Руской или „ускочитъ, или по нужи проданъ будетъ, а жа„ловати начнутъ Русь, покажется таковое „отъ челядина, и да поимутъ въ Русь. Но и го„стіе погубише челядинъ и жалуютъ, да и„щутъ, обретше да поимутъ е. Аще ли кто „искушенія сего не дастъ сотворити, мест-

„никъ да погубитъ правду свою.“ (22)

Смыслъ этой статьи, за исключеніемъ последняго положенія, совершенно ясенъ. Хозяинъ украденнаго, бѣжавшаго или по принужденію проданнаго раба могъ жаловаться (вѣроятно мѣстному начальству) и искать его, отыскавъ же взять обратно, въ особенности ежели самъ рабъ покажетъ какимъ изъ означенныхъ противозаконныхъ способовъ онъ перешелъ во владѣніе другаго лица. Правило это по всей вѣроятности почерпнуто изъ началъ Русскаго права, потому что и потомъ въ Русской Правдѣ и даже въ позднѣйшихъ постановленіяхъ владѣльцу раба предоставлено было право отыскивать его вездѣ гдѣ бы онъ ни былъ и, отыскавъ, взять его себѣ. Замѣчательно что здѣсь неопредѣлено никакакого наказанія тому кто противозаконно завладѣлъ чужимъ рабомъ; требуется только чтобы рабъ былъ

(22) Эверса древн. Р. право, перев. Платонова, стр. 178.

возвращенъ хозяину его. Это можно кажется объяснить тѣмъ, что хозяинъ, который позволялъ у себя украсть раба, или допустилъ его бѣжать, или, наконецъ, согласился противу собственнаго желанія продать его другому, что такой хозяинъ, говорю, самъ какъ будто оказывался виновнымъ въ оплошности и слабости, а потому, хотя и дозволялось ему отыскивать вездѣ своего раба, но онъ не имѣлъ права требовать для себя особеннаго еще какого нибудь вознагражденія.

Что касается до послѣдняго положенія разсматриваемой статьи: "*аще ли кто искупивъ сего недастъ сотворити*, *местникъ да погубитъ правду свою*," то оно мнѣ кажется весьма труднымъ къ истолкованію. Раковецкій,[23] скользя, такъ сказать, надъ встрѣчающимися *ему трудностями*, такъ переводитъ эти сло-

(23) Rakowiecki, Prawda Ruſska. T. 2. стр. 6.

ва: „Если бы кто либо сталъ противиться та-
„кому поиску, то признанъ будетъ виновнымъ." —
Ясно что слова: *местникъ да погубитъ правду
свою* остались для Раковецкаго совершенно не
разгаданными.

Эверсъ предлагаетъ следующее ихъ толкова-
ние: „Der Rächer (местникъ) ist offenbar nach
„russischen Begriffen der nächste Verwandte, der das
„erschlagene oder gemisshandelte Familien-Glied rä-
„chen musste. Nach griechischen Begriffen konnte
„hierunter nur die Obrigkeit verstanden werden, die
„bei den Griechen in die Stelle des Privat-Rächers ge-
„treten war, wenn man nicht lieber auch hier nur
„denjenigen darunter verstehen will, der für die ei-
„nem anderen (Griechen) zugefügte Beleidigung —
„Recht fordern konnte, sey es nun die Familie, o-
„der der öffentliche Beamte. Der Sinn ist in bei-
„den Fällen: *wer die Nachsuchung hindert, ist —
„rechtlos.* Widerfährt ihm deshalb ein Uebel, so —

„darf er nicht gerächt, d. h. es darf dafür kein recht-
„licher Ersatz gefordert werden. Also war hier noch,
„im Fall der verwehrten Nachsuchung, Selbsthülfe
„jeder Art erlaubt." (Das ält. R. d. R. § 154 und 155).
Хотя это толкованіе можетъ еще оставлять за собою нѣкоторыя сомнѣнія, но не имѣя средствъ къ болѣе удовлетворительному изъясненію словъ: местникъ да погубитъ правду свою, мы должны покуда удовольствоваться тѣмъ, которое предлагаетъ намъ Эверсъ. —

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже статей Олегова договора, въ которыхъ, какъ я старался показать, изложены мѣры огражденія собственности отъ тайнаго и насильственнаго ея похищенія, а также отъ неправильнаго завладѣнія вообще, въ этомъ же памятникѣ находимъ еще и такія статьи, которыя, какъ я думаю, ясно доказываютъ заботливость обѣихъ договаривающихся сторонъ, и въ особенности

Руссовъ, объ охраненіи ихъ имуществъ отъ гибельнаго вліянія несчастныхъ случаевъ. Въ договорѣ Олега предусмотрѣны преимущественно два изъ такихъ несчастныхъ случаевъ, именно кораблекрушеніе (ст. VII) и смерть владѣльца (ст. X). О первомъ изъ нихъ говорится исключительно въ видахъ пользы Грековъ, о второмъ напротивъ для выгоды Руссовъ.

Смыслъ статьи о кораблекрушеніи есть слѣдующій: Руссы обѣщаютъ оказывать помощь греческимъ ладьямъ, когда онѣ заброшены будутъ бурею на чужой берегъ, гдѣ случится быть въ это время и Русскимъ. Помощь эта состоять должна или въ томъ, что ладью отводятъ въ ближайшій греческій портъ, или же ее провожаютъ въ Русскую землю, если (какъ основательно догадывается Эверсъ [24]) грузъ ея предназначенъ былъ для Россіи. Здѣсь продается

(24) Das ält. R. d. R. S. 164. Anm. 26.

грузъ и вырученныя за него деньги отсылаются въ Грецію или съ купцами, или съ посольствомъ, отправляемымъ къ Греческому царю.

Гораздо болѣе интереса для изслѣдующаго начала древнѣйшаго Русскаго права представляетъ та статья Олегова договора, въ которой говорится объ имуществѣ Руссовъ, умирающихъ въ Греціи. Разсмотримъ сначала текстъ ея: (25)

„Аще кто умретъ не урядивъ своего имѣнья,
„ни своихъ не имать, да возвратитъ имѣнье
„къ малымъ ближникамъ въ Русь. Аще ль со-
„творитъ обряженіе, таковый да возметъ
„уряженное его кому будетъ писалъ наслѣди-
„ти имѣнье его, да наслѣдитъ е отъ взимаю-
„щихъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящи
„въ Греки и удолжающихъ."

Судя по первому взгляду, надобно было бы ду-

(25) Несторъ, слич. Шлёц. Т. II. стр. 738 и сл., у Платонова, Др. Р. Пр. стр. 187.

мать, что здѣсь рѣчь идетъ о каждомъ вообще Руссѣ, умирающемъ во время пребыванія своего въ Греціи; но статья эта надписывается: „о работающихъ во Грецѣхъ Руси у Хрестьянскаго царя", и потому Эверсъ заключаетъ, что въ ней установляются только правила объ имуществѣ, тѣхъ изъ Руссовъ, которые умираютъ въ Греціи, состоя на службѣ (работѣ) у Греческаго царя.[26] Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлаетъ весьма остроумную догадку на счетъ обезпеченія цѣлости имущества другихъ, неслужащихъ Греческому царю Руссовъ. Онъ думаетъ именно, что Руссы, отправлявшіеся въ Грецію по своимъ торговымъ дѣламъ, подобно купцамъ другихъ народовъ того времени, ѣздили туда большими партіями, которыя подчинялись одному лицу, изъ среды ихъ избранному (какъ бы старостѣ), и составляли такимъ образомъ, на время путешествія, родъ политической

(26) Тамъ-же стр. 160 и 161.

общины. Если кто изъ среды этой общины умиралъ во время путешествія, то компанія брала оставшееся послѣ умершаго имущество и обязывалась доставить его въ цѣлости въ отечество, или для удовлетворенія кредиторовъ покойнаго, или для передачи роднымъ его. Такая мѣра тѣмъ болѣе была необходима, для обезпеченія цѣлости имущества умирающихъ въ чужой землѣ, что Государи этихъ странъ и тогда, и даже во время гораздо позднѣйшее, не рѣдко присвоивали себѣ право наслѣдовать имущество, послѣ умершихъ въ ихъ владѣніяхъ иностранцевъ, какъ имущество выморочное. Весьма вѣроятно что подобное притязаніе обнаруживали и Греческіе цари, въ особенности на имущество тѣхъ изъ Руссовъ, которые находились у нихъ на службѣ, тѣмъ болѣе что самое это имущество могло быть пріобрѣ-

чено службою, а состоящіе на службѣ разсматривались какъ временные по крайней мѣрѣ подданные Императора. Для огражденія соотчичей своихъ отъ такихъ притязаній, Руссы включили въ договоръ Олега приведенную статью о наслѣдствѣ. Надобно однакожъ замѣтить, что и содержаніе, и редакція этой статьи скорѣе можетъ быть принадлежитъ Грекамъ, нежели Руссамъ. Къ такому заключенію ведетъ вопервыхъ то, что въ разсматриваемой статьѣ очень ясно различается наслѣдованіе безъ завѣщанія (какъ бы по закону) и наслѣдованіе по завѣщанію, при чемъ первое совершенно подчинено послѣднему и законный наслѣдникъ (родной, ближникъ) тогда только могъ получить имущество, когда умершимъ не было сдѣлано никакого о немъ распоряженія. Конечно, и Русскому праву могло быть не чуждо различіе между двумя

видами наслѣдованія, оно даже могло, согласно съ понятіями о неограниченности отеческой власти, какая тогда была у Руссовъ, предпочитать завѣщаніе законному наслѣдованію; но понятія эти являются здѣсь слишкомъ ясно и отчетливо сформированными и весьма живо напоминаютъ постановленія Римскаго права объ этомъ же предметѣ. – Далѣе, изъ словъ: _кому будетъ писалъ наслѣдити_ видно, что здѣсь говорится именно о письменныхъ завѣщаніяхъ а не упоминается вовсе о другихъ ихъ видахъ. Но едва ли Руссы того времени, даже и тѣ, которые находились на службѣ у Греческаго Императора, до такой степени обладали искуствомъ писанія, чтобы эта форма завѣщанія могла быть у нихъ самою употребительною. Ясно что Греки свои понятія о наслѣдствѣ, вообще, и о формѣ завѣщаній, въ осо-

бенности, приписали и Руссамъ.[27] Самая наконецъ редакція разсматриваемой статьи, редакція совершенно правильная и систематическая, какой не встрѣчаемъ ни въ одной другой статьѣ Олегова договора, говоритъ, кажется, въ пользу моего предположенія.

Этою статьею оканчивается рядъ постановленій Олегова договора, опредѣляющихъ мѣры огражденія имущественныхъ отношеній обѣихъ договаривающихся сторонъ, и въ особенности Руссовъ. Посмотримъ теперь что было постановлено о нихъ въ договорѣ Игоря (945).

Договоръ Игоря съ Греками, по замѣчанію Эверса, долженъ быть разсматриваемъ какъ дополненіе и поясненіе Олегова договора; но это дополненіе и поясненіе влечетъ за

(27) См. мое разсужденіе объ Актахъ укрѣпленія правъ на имущество стр. 111.

собою, отчасти по крайней мѣрѣ, измѣненія прежде уже установленныхъ началъ. Не говоря о перемѣнахъ, введенныхъ Игоревымъ договоромъ по другимъ отраслямъ права, я намѣренъ обратить вниманіе на тѣ только, которыя соприкасаются непосредственно съ разсматриваемыми мною началами огражденія имущественныхъ отношеній.

Въ IV статьѣ этого договора находится постановленіе о воровствѣ и насильственномъ отнятіи вещей. Текстъ ея слѣдующій:

„Аще кто покусится отъ Руси взяти что
„отъ люди царства вашего[28] (или нашего), иже

(28) Въ большей части списковъ стоитъ: отъ люди царства вашего, въ нѣкоторыхъ — царства нашего. Принимая первое чтеніе надобно было бы думать что здѣсь Руссы говорятъ отъ своего имени и предлагаютъ Грекамъ слѣдующія за тѣмъ мѣры огражденія отъ воровства; если же читать царства нашего, то выходитъ какъ будто Греки предлагаютъ условія Русскимъ. (Сравн. впрочемъ Ewers, d. ält. R. d. R.

„то сотворитъ, показненъ будетъ вельми. Аще „ли вьясъ будетъ, да заплатитъ сугубь. И аще „сотворитъ тоже Гречинъ Русину, да при„метъ туже казнь, яко же пріялъ есть и онъ. „Аще ли приключится (украсти) Русину отъ Грекъ что, „или Гречину отъ Руси, достойно да въворотъ „не точію едино, но и цѣну его. Аще обрящется „украденное продаемо, да вдастъ цѣну его су„губу. И то (у Раковецкаго и той) показненъ „будетъ по уставу Грецкому и по закону Грецко„му, и по закону Русскому." (Нест. спис. Щлёц. ч. III. стр. 139; у Платонова, переводъ древн. Р. Пр. Эверса стр. 195.).

Сравнивая постановленія этой статьи Игорева договора съ постановленіями договора Олега, мы замѣчаемъ что въ ней, съ самаго начала рѣчь идетъ о насильственномъ отнятіи чужой собственности и о покушеніи на

с. 172. Anm. 31; Rakowiecki, Pr. R. T. 2. стр. 13).

такое противозаконное дѣйствіе. Покушеніе отличено здѣсь не по одному только имени отъ преступленія уже совершоннаго, но и самое наказаніе за то и другое полагается, какъ я думаю, различное. Именно, покусившійся на отнятіе вещи у другаго долженъ быть покаженъ вельми (вѣроятно уже не по произволу частнаго лица потерпѣвшаго обиду, но по опредѣленію правительства), не видно однако въ чемъ должно было состоять это наказаніе; о вознагражденіи же обиженнаго таковымъ дѣйствіемъ ничего не упоминается, быть можетъ потому, что онъ при этомъ ничего не терялъ. Если же послѣдовало уже дѣйствительное отнятіе имущества, то виновный долженъ былъ сдѣлать вознагражденіе вдвое (да заплатить сугубѣ).— Опредѣляемое здѣсь двойное вознагражденіе, слѣдовавшее конечно хозяину отнятой вещи,

состояло вѣроятно въ возвращеніи самой вещи и приложеніи цѣны ея, или въ уплатѣ двойной цѣны, если вещь была уже продана, утрачена или испорчена. Такъ по крайней мѣрѣ надобно думать, принимая въ соображеніе то, что постановляется нѣсколько ниже о воровствѣ. Хотя при этомъ не упоминается объ особенномъ наказаніи преступника, но подразумѣвать должно, что совершившій насильственное завладѣніе чужою собственностію, долженъ былъ подвергнуться томуже наказанію, какое опредѣлено было для покушающагося на это дѣйствіе.

Въ постановленіяхъ <u>о воровствѣ</u> замѣчаемъ недостатокъ опредѣленія о томъ, какъ должно поступать съ пойманнымъ на мѣстѣ воромъ. Эверсъ предполагаетъ,(29) что въ <u>Игоревомъ договорѣ</u> потому умалчивается объ

(29.) Das ält. R. d. R. S. 166.

этимъ, что не хотѣли повторять высказаннаго уже въ договорѣ Олега. Нѣтъ сомнѣнія однако, что вора пойманнаго на мѣстѣ можно было и теперь убить, потому что право это предоставлено было у Руссовъ хозяину, даже въ XIII столѣтіи. Что касается до удовлетворенія хозяина украденной вещи, то оно опредѣляется, также какъ и при насильственномъ завладѣніи ею, двойное; кромѣ того виновный подвергается наказанію по закону Греческому и Русскому. Послѣднія сло- Эверсъ считаетъ темными и полагаетъ, что воръ могъ быть наказываемъ по одному изъ этихъ законовъ, смотря по тому какому народу принадлежалъ самъ преступникъ, или, еще вѣроятнѣе, обиженный или истецъ.(30) — Чтобы эта догадка была вполнѣ убѣдительна надобно чтобы въ текстѣ написано было: по за-

(30) Тамъ-же, стр. 168.

<u>кону Грецкому, или по закону Русскому</u>; между-
тѣмъ вмѣсто <u>или</u> мы здѣсь видимъ <u>и</u>, а по-
тому нельзя ли предположить, что участво-
вавшіе въ договорѣ Греки и Руссы, для большаго
обезпеченія своей собственности отъ тайнаго
или насильственнаго завладѣнія ею согласи-
лись чтобы виновный въ этихъ преступле-
ніяхъ подвергался двойному наказанію, по за-
кону обоихъ договаривающихся народовъ? Конечно,
догадка эта не можетъ быть подкрѣплена
никакими положительными данными, по
крайней мѣрѣ мы вправѣ сдѣлать ее, по пря-
мому смыслу словъ текста, и, допустивъ та-
кое предположеніе, для насъ становится нѣ-
сколько понятнѣе другое, совершенно неопре-
дѣленное выраженіе этой статьи договора,
именно то, въ которомъ говорится, что по-
кусившійся на отнятіе чего либо у другаго,
<u>показненъ будетъ вельми</u>. Быть можетъ это

велие наказание состояло действительно въ двойномъ наказаніи преступника, по закону Греческому и по закону Русскому.

Какъ бы то ни было, разсматриваемая статья Игорева договора заключаетъ въ себѣ нѣсколько измѣненій статьи такого же содержанія въ договорѣ Олега, измѣненій, свидѣтельствующихъ о развитіи юридическихъ идей въ сознаніи составителей перваго изъ нихъ. По смыслу договора Олега, виновный въ похищеніи чужой собственности, тайнымъ или насильственнымъ образомъ, подвергался только взысканію для частнаго удовлетворенія хозяина похищенной вещи; въ договорѣ Игоря, независимо отъ частнаго удовлетворенія, преступленія эти подвергаются наказанію со стороны правительства и по опредѣленію закона, хотя вѣроятно не иначе, какъ только въ слѣдствіе иска обиженнаго лица. Дальше

Олеговъ договоръ установляетъ тройное вознагражденiе въ пользу потерпѣвшаго убытокъ, по крайней мѣрѣ такъ было несомнѣнно при насильственномъ завладѣнiи чужою собственностiю; договоромъ Игоря требуется только сугубое удовлетворенiе, вѣроятно потому, что теперь преступникъ подвергался сверхъ того особому наказанiю, отъ котораго прежде онъ былъ свободенъ, заплативъ втрое нанесенный имъ убытокъ. Наконецъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, въ разсматриваемой статьѣ Игорева договора, установляются различныя наказанiя за покушенiе и за совершенное преступленiе, между тѣмъ какъ въ договорѣ Олега, различiя этого не усматриваемъ. Впрочемъ весьма возможно, что эти поступательныя измѣненiя были слѣдствiемъ особеннаго влiянiя Грековъ на составленiе договора, заключеннаго ими съ Игоремъ.

Къ предмету нашего изслѣдованiя относится

еще въ Игоревомъ договорѣ статья о побѣгѣ невольниковъ и ихъ выдачѣ (ст. III). Къ сожалѣнію текстъ ея подверженъ различнымъ толкованіямъ въ слѣдствіе весьма сбивчиваго употребленія въ ней мѣстоименій нашъ и вашъ, такъ что нѣтъ другой возможности выйти изъ представляющихся по этому случаю затрудненій, какъ только позволивъ себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣну одного мѣстоименія другимъ. Вотъ текстъ ея изъ Нестора, сличеннаго Шлёцеромъ.[31]

„И аще ускочитъ челядинъ отъ Русъ, по нежъ
„придутъ въ страну царства вашего и отъ
„Святаго Мамы, и аще будетъ обрящется - да по-
„имутъ. Аще ли не обрящется, да на роту и-
„дутъ наша христіанная Русь, а не Христіа-
„не по закону своему. Тогда возмаютъ отъ
„насъ цѣну свою, якоже уставлено есть преж-

(31) Часть III. стр. 133; у Платонова, перев. др. Р. Пр. стр. 200 и 201.

„де, двѣ наволоцѣ за человѣка. Аще ли кто „отъ людей царства вашего, или отъ города „вашего, или отъ иныхъ городовъ ускочитъ че„лядинъ нашъ къ вамъ и принесетъ что, да „возвратятъ опять; и еже что принеслъ „все цѣло, да возметъ отъ него золотника два."

Не стану приводить здѣсь различныхъ толкованій и переводовъ этой статьи Шлёцеромъ, Раковецкимъ и Эверсомъ, - это заняло бы слишкомъ много мѣста и не привело бы ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, скажу только, что, если догадка Эверса справедлива, будто въ договорѣ Игоря Греки являются предлагающими условія отъ своего имени, то, въ такомъ случаѣ, можно себѣ позволить читать и переводить приведенный текстъ такимъ образомъ:

„Если рабъ бѣжитъ отъ Руссовъ и отъ Св. Мамы, (32)

(32) То есть отъ Руссовъ же, живущихъ въ предмѣстьи этаго названія въ Царьградѣ. См. Ewers, d. ä. R. d. R. S. 172. Anm. 33.

„за нимъ же придутъ въ страну царства на-
„шего[33] и онъ будетъ найденъ, то да возьмутъ его.[34]
„Если же онъ не отыщется, то пусть наши[35]
„Христіанскіе Руссы дадутъ присягу, а не хри-
„стіане пусть клянутся по своему закону,[36]
„и пусть тогда взыщутъ съ насъ цѣну, какая
„установлена была прежде, по двѣ паволоки[37]
„за раба. — Если кто изъ людей царства нашего[38]

(33) Въ текстѣ стоитъ вашего.

(34) Разумѣется Руссы.

(35) Справедливо замѣчаетъ Эверсъ, что Греки могли называть Руссовъ, — принявшихъ Христіанскую Религію нашими, потому что они были ихъ единовѣрцами. Тамъ-же стр. 172, прим. 34.

(36) Разумѣется въ томъ, что рабъ дѣйствительно убѣжалъ отъ нихъ къ Грекамъ.

(37) Паволока, родъ шелковой, дорогой ткани, которая иногда употребляема была вмѣсто денежной платы. См. Rakowiecki, Pr. R. T. 1 стр. 162.

(38) Въ текстѣ опять написано вашего. Здѣсь въ особенности замѣчательно толкованіе Эверса. Тамъ же стр. 172 прим. 35.

„или города нашего[39], или другихъ городовъ, убѣжитъ „рабъ нашъ къ вамъ и принесетъ съ собою что ли- „бо[40], то онъ долженъ быть возвращенъ и, ежели „притомъ снесенное имъ окажется все въ цѣло- „сти, то да возметъ отъ него два золотника."[41]

Замѣчательно, что въ разсматриваемой статьѣ ничего не говорится ни о тайномъ похищеніи чужаго раба, ни о вынужденной его продажѣ. Вѣроятно, замѣчаетъ Эверсъ,[42] кража раба и принужденіе къ продажѣ его отнесены были къ общему правилу о воровствѣ и насильственномъ похищеніи чужой собственности. Относительно бѣжавшаго раба въ Олеговомъ договорѣ постановлено было, что хозяинъ могъ его отыскивать и взять обратно,

(39.) Конечно Константинополя. Раковецкій читаетъ отъ града нашего. Р. Р. Т. 2. стр. 13.

(40.) Разумѣется украденное имъ.

(41.) Конечно тотъ кто доставитъ бѣжавшаго раба съ покражею.

(42.) Das ält. R. d. R. S. 171.

въ случаѣ же если онъ не находился; то, вѣроятно, хозяинъ пропавшаго раба не могъ претендовать на какое нибудь вознагражденіе. Напротивъ въ договорѣ Игоря установляется мѣра вознагражденія за потерянного раба, если хозяинъ подтвердитъ присягою, что рабъ его дѣйствительно бѣжалъ къ Грекамъ. Съ своей стороны, Греки требовали отъ Руссовъ не только возвращенія бѣжавшаго раба, но еще и всего снесеннаго бѣглецомъ, съ платою въ такомъ случаѣ двухъ золотниковъ; вѣроятно впрочемъ, что этимъ же правиломъ могли также пользоваться и Руссы по отношенію къ Грекамъ.(43)

Наконецъ въ Игоревомъ договорѣ есть также постановленіе, имѣющее въ виду охраненіе имущества и лицъ, находящихся на кораблѣ, или ладьѣ, выброшенной на берегъ. (ст. VII).

„Аще обрящутъ Русь кубару (корабль или

(43) Эверсъ, тамъ-же.

„ладью) Грецкую ввержену на коемъ либо мѣстѣ,
„да не приобидятъ ея. Аще ли отъ нея възметъ
„кто что, или человѣка поработитъ или
„убьетъ: да будетъ виненъ закону Руску и
„Грецку." (44)

За исключеніемъ послѣднихъ словъ: да будетъ виненъ закону Руску и Грецку, которыя и здѣсь опять могутъ подать поводъ къ различнымъ толкованіямъ, и къ которымъ надобно примѣнить то, что сказано уже выше, въ статьѣ о насильственномъ и тайномъ похищеніи чужой собственности, смыслъ приведенной статьи совершенно ясенъ. Различіе ея отъ статьи подобнагоже содержанія въ Олеговомъ договорѣ состоитъ въ томъ, что, по смыслу перваго договора, Руссы даютъ только обѣщаніе оказывать пособіе греческимъ кораблямъ, не обязываясь притомъ

(44) Несторъ, слич. Шлёц. Т. III. стр. 151; у Платонова, перев. др. Р. Пр., стр. 198.

никакою отвѣтственностію въ случаѣ если бы что нибудь изъ груза ихъ пропало; напротивъ, въ статьѣ договора Игоря не упоминается уже о помощи греческимъ ладьямъ со стороны Руссовъ, Греки требуютъ только чтобы Руссы не дѣлали обиды выброшенной на берегъ ладьѣ, а въ случаѣ если бы кто нибудь, пользуясь бѣдственнымъ ея положеніемъ, взялъ что либо изъ груза ея, или убилъ человѣка на ней находящагося, то долженъ былъ подвергнуться наказанію, по закону Русскому и Греческому. Отсюда можно вывести заключеніе, что постановленная въ Олеговомъ договорѣ статья не была достаточнымъ обезпеченіемъ для кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе и что, при заключеніи дополнительныхъ условій съ Игоремъ, Греки считали необходимымъ подкрѣпить ее, установляя, по взаимному соглашенію съ Руссами, наказаніе для хищниковъ и разбойниковъ. Замѣтимъ

наконецъ, что, хотя и въ этой статьѣ говорится объ однѣхъ только греческихъ ладьяхъ, вѣроятно однако что она имѣла взаимнообязательную силу для обоихъ договаривающихся народовъ; только Греки, можетъ быть, чаще нежели Руссы, имѣли случай ссылаться на ея содержаніе и, согласно съ нимъ, требовать себѣ удовлетворенія.

Таковы были мѣры огражденія имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ, по смыслу договоровъ Олега и Игоря съ Греками.

Обращаемся теперь къ изслѣдованію этихъ мѣръ, по началамъ обширнѣйшаго и важнѣйшаго памятника древняго Русскаго законодательства — по началамъ Русской Правды.

Мы имѣли случай замѣтить, занимаясь разсмотрѣніемъ содержанія договоровъ Олега и Игоря, во сколько это было необходимо для уясненія предмета настоящаго изслѣдованія,

что въ нихъ рѣчь идетъ исключительно объ огражденіи одного только вида имуществъ, именно движимыхъ. Причина этому весьма легко открывается: Въ условіяхъ заключенныхъ двумя народами, для взаимнаго обезпеченія правъ частныхъ лицъ каждому изъ этихъ народовъ принадлежащихъ, не могло быть даже говорено объ имуществахъ недвижимыхъ, которыя были, можно сказать, недоступны для предполагаемыхъ нарушителей права собственности и имущественныхъ отношеній вообще. — И дѣйствительно, трудно представить себѣ чтобы Руссъ, пребывая временно въ Греціи, или Грекъ въ Россіи, могъ имѣть случай или даже подумать завладѣть чужою недвижимою собственностію, напримѣръ землею или домомъ; и потому участвовавшіе въ договорахъ, считая недвижимое имущество внѣ всякой опасности, не позаботились объ установленіи какихъ нибудь правилъ

для его огражденія. За то съ особеннымъ вниманіемъ, какъ мы это видѣли, старались они обезпечить имущество движимое, не только отъ злонамѣренныхъ дѣйствій постороннихъ лицъ, но даже отъ гибельнаго на него вліянія несчастныхъ случаевъ, потому что дѣйствительно этотъ видъ имущества, по своей природѣ, гораздо больше представляетъ возможности къ неправильному имъ завладѣнію и даже къ истребленію его. Что касается до Русской Правды, то, хотя въ нѣкоторыхъ ея статьяхъ ясно указывается на разные предметы недвижимой собственности и даже на поземельное право[45], замѣтимъ однако что указанія эти были уже, по всей вѣроятности, плодомъ законодательной дѣятельности продолжателей Ярославова Суда; между тѣмъ Правда, въ первоначальномъ ея видѣ,[46] заключаетъ лишь только правила огражде-

(45) Калачова; Изслѣд. о Р. Пр., Москва, 1846. 4°, стр. 181.

(46) Gust. Ewers, das ält. R. d. R. II Buch, III Abschnitt, III Capitel, S. 264–270.

нія имущества движимаго. Впрочемъ, и въ позднѣйшей ея редакціи, весьма только немногочисленныя постановленія имѣютъ въ виду обезпеченіе нѣкоторыхъ предметовъ недвижимой собственности; напротивъ здѣсь также обращено преимущественно вниманіе на имущества движимыя, конечно по указанной побудительной причинѣ - потому что они болѣе нуждались въ мѣрахъ огражденія. Однакожъ, изъ тѣхъ не многихъ статей, которыя находимъ мы въ Руской Правдѣ касательно огражденія недвижимыхъ имуществъ, легко убѣдиться, что эти имущества, въ очахъ законодателей и въ народномъ сознаніи, имѣли большую важность и цѣнность, нежели имущества движимыя, хотя нѣкоторые предметы изъ разряда послѣднихъ, по особенному на нихъ воззрѣнію людей того времени, были также очень высоко цѣнимы, подобно тому какъ и у другихъ Славянъ.(47)

(47). Maciejowski, Historya Prawodawstw Słowiańskich, Warszawa. 1832. Т. 2. стр. 8 — 11.

Начнемъ съ постановленій, имѣющихъ въ виду обезпеченіе недвижимыхъ имуществъ.

Самымъ важнымъ предметомъ въ ряду этихъ имуществъ, вездѣ и въ каждое время, считалась земля, какъ прочнѣйшая опора существованія человѣка. Такъ конечно было и въ древней Россіи, которая въ то время, болѣе еще нежели теперь, жила произведеніями своей земли - хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, ловлею звѣрей, и т. п. Принимая это въ соображеніе надобно было бы думать, что въ древнѣйшемъ памятникѣ Рускаго законодательства постановлены весьма точныя и строгія мѣры для огражденія поземельной собственности отъ всякаго рода противозаконныхъ дѣйствій. Однако, разсматривая внимательно содержаніе Правды, мы почти убѣждаемся въ противномъ. Важнѣйшій видъ противозаконныхъ дѣйствій, направленныхъ на земскую собственность, есть конечно насильственное завладѣніе ею, лицамъ постороннимъ, не имѣющимъ на нее права. Руская Правда, ни въ первоначальномъ своемъ

видѣ, ни въ позднѣйшихъ ея дополненіяхъ, не представляетъ намъ постановленія, которое бы направлено было непосредственно на отраженіе этого противозаконнаго дѣйствія. Какое же можемъ мы вывести отсюда заключеніе, если не то, что въ сознаніи народномъ слишкомъ сильно укоренено было понятіе неприкосновенности участка земли, составляющаго отдѣльную собственность извѣстнаго семейства, или даже рода, и что по этому насильственное имъ завладѣніе считалось дѣломъ невозможнымъ. Невозможность эта усиливалась конечно, въ древнѣйшее по крайней мѣрѣ время, тѣмъ, что земля, составлявшая предметъ общаго владѣнія цѣлаго рода, защищаема была въ случаѣ надобности, не однимъ лицемъ, но болѣе или менѣе значительною ихъ совокупностію.(48) Если однако въ рассматриваемую

(48) Ewers, d. ält. R. d. R. S. 260–264. – Эверсъ, Переводъ Морошкина, стр. 4 и 10, примѣчаніи 9.

нами эпоху, дѣйствительно насильственное завладѣніе чужою землею никогда еще, какъ видно, не случалось, то, съ другой стороны, нѣкоторыя изъ статей Правды, дополненной уже сыновьями Ярослава и позднѣйшими законодателями, заставляютъ думать, что сознаваема была возможность такого завладѣнія въ послѣдствіи времени, а желаніе устранить эту возможность вызвало постановленія, опредѣляющія строгія мѣры взысканія за истребленіе или порчу межевыхъ знаковъ, отдѣляющихъ одинъ участокъ земли отъ другаго. Сюда относятся слѣдующія статьи Русской Правды, по изданію Г. Калачова:(49)

Ст. CV.

а, „А иже межу переоретъ, любо перетесъ, то „за обиду 12 гривнѣ."

(49) Изсл. о Русск. Пр., Отд. III. Систематическое изложеніе и изданіе полнаго въ юридическомъ отношеніи текста Русской Правды (на основаніи 50 списковъ).

/: Полнѣйшая редакція этой статьи, по большинству списковъ, есть слѣдующая /:

b, „Аже межу перетнетъ бортьную, или ролейную межу разоретъ, или дворную межу тыномъ перегородитъ, то 12 гривне продаже."

ст. CIV.

„Аще кто разнаменаетъ борть, то 12 гривнъ „продажи, а за дерево полгривны."

ст. CV.

„Аже кто дубъ перетнетъ знаменный или „межный, то 12 гривнъ продаже."

Изъ этихъ статей открывается, что употребительнѣйшими межевыми гранями были: для пахатныхъ, и вѣроятно всѣхъ безлѣсныхъ полей, земляныя насыпи или другіе земляные знаки; для лѣсовъ вообще и въ особенности бортныхъ угодій - деревья на корню стоящія, преимущественно дубъ и сосна, какъ самыя прочныя, наконецъ усадьбы или дворы разграничивались изгородами,

плетнями или тынами.[50] Далѣе видимъ, что рав-
но порча межевыхъ знаковъ (разнаменаніе борти),
какъ и совершенное ихъ истребленіе, подвергали
виновнаго одинаковому взысканію, именно упла-
тѣ 12 гривенъ пени. Кромѣ того, надобно, быть
можетъ, было заплатить хозяину цѣну испор-
ченнаго, или срубленнаго дерева. На это указыва-
етъ, въ статьѣ о разнаменаніи борти, выраже-
ніе: а за дерево полгривны; замѣтимъ однако, что
слова эти находятся въ одномъ только спискѣ
Правды, именно 36, Бальзеровомъ, принадлежа-
щемъ Археографической Коммиссіи. Сравнивая
постановленное въ этихъ статьяхъ взысканіе
съ пенями по другимъ видамъ преступленій, ви-
димъ что оно не рѣдко равняется и даже пре-
вышаетъ наказанія, установленныя за убійство
нѣкоторыхъ лицъ,[51] также за увѣчье,[52] са-

(50.) Тынъ и въ настоящее время на малороссійскомъ нарѣчіи значитъ плетень или заборъ.
(51.) Ср. ст. LXXX — LXXXIV. Изд. Калачова.
(52.) Ср. ст. XCIII, CXXXIV и CXXXV, тамъ-же.

мовольное истязаніе,[53] нанесеніе ранъ и побоевъ.[54] Отсюда со всею вѣроятностію заключить можно, что порча и истребленіе межевыхъ знаковъ считались на ряду съ важнѣйшими и опаснѣйшими противозаконными дѣйствіями и что законодательная власть имѣла въ виду предохранить отъ нихъ общество, установляя за нихъ высокія пени. Подтвержденіемъ моему предположенію можетъ служить то, что, по смыслу одной статьи, имѣющей впрочемъ различныя чтенія, искъ о разломанной борти и <u>посѣченной</u> межѣ производился даже и тогда, когда виновный положительно неизвѣстенъ: округа (верьвь), въ которой случилось это преступленіе обязана была отыскать виновнаго (татя), или заплатить 12 гривенъ <u>продажи</u>.[55]

(53.) Ср. ст. XCV и XCVI, тамъ-же.

(54) Ср. ст. XCVII – XCIX, тамъ-же.

(55). Ср. въ изд. Калачова, ст. CXXIX „о бобрѣ и о разломанной борти" (по 33 и 34 ст.).

Хотя изъ приведенныхъ нѣсколько выше статей не льзя заключить совершенно положительно, что въ нихъ рѣчь идетъ о злоумышленной порчѣ и истребленіи межевыхъ знаковъ, напротивъ, скорѣе можно было бы думать, что здѣсь обращено было вниманіе не на умыселъ, а на самый фактъ; однакожъ съ большою вѣроятностію предположить можно, что дѣйствительно только злоумышленное истребленіе и порча межей подвергались опредѣленному взысканію, упущеніе же указанія на этотъ предметъ въ самомъ законѣ, надобно конечно отнести на счетъ весьма понятной и извинительной неопытности въ дѣлѣ редакціи законовъ. Что первоначальная редакція законовъ всегда бываетъ весьма не совершенна и представляетъ потомъ обширное поприще для различнаго ихъ толкованія, то доказательствъ этому и примѣровъ можно было бы привести очень много, но ближе всего возьмемъ двѣ различныя редакціи одной изъ приведенныхъ

статей, именно CV. Въ первой изъ нихъ, кратчайшей, говорится о перепахании или изрубленіи межи вообще; во второй, обширнѣйшей, ясно уже различается <u>межа ролейная</u> отъ <u>бортной</u> и <u>дворной</u>. Очевидно что такая опредѣленность могла быть только произведеніемъ опыта, доказавшаго недостаточность первоначальной редакціи этой статьи.

Въ заключеніе скажу, что Раковецкій (56) находитъ весьма вѣроятнымъ, что постановленія Русской Правды о межахъ имѣли вліяніе на образованіе понятій о томъ же предметѣ въ Литвѣ, доказательствомъ чему могутъ служить нѣкоторыя статьи Литовскаго Статута, даже позднѣйшей его редакціи, 1588 года, на польскомъ языкѣ.(57) Еще больше сходства замѣчаетъ тотъ же ученый между постановленіями нашего памятника о <u>межевыхъ знакахъ</u> и такимъ же постановленіемъ въ за-

(56) Rakowiecki, Pr. R. Т. 2, стр. 91, прим. (6).

(57) Именно: Rozdział IX, Art. 18, §§ 1 и 2; у Раковецкаго, тамъ-же.

конахъ Чешскаго Короля Владислава: „Ktožbykoliwiek „komu mežniky wymetal, a nebo podsekal, neb ge „ginam přesadil, bez wůle a wedomite skymž ty mež- „niky spolu ma, tehdy ten tomu (neb tiem) propadni „dwaděeti hřywen."(58) Изъ сего послѣдняго сближенія можно вывести предположеніе, довольно впрочемъ натуральное, что понятія различныхъ Славянскихъ народовъ о неприкосновенности межевыхъ знаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поземельной собственности, вообще, могли быть весьма сходны между собою.

Поищемъ теперь въ изучаемомъ нами памятникѣ установленій, направленныхъ противу неправильнаго пользованія чужою землею, или ея произведеніями.

Такъ какъ вѣроятно весьма трудно и едва ли возможно было въ тогдашнее время пользованіе противозаконное, хотя бы даже и самое непродолжительное, чужою землею, со всѣми ея —

(58) У Раковецк. Т. 2. стр. 91. прим.

принадлежностями, то по этому въ Правдѣ не находимъ ни одного правила, которое бы имѣло въ виду опредѣленіе наказаній или пени за такое противозаконное дѣйствіе. Напротивъ весьма не рѣдко могло случаться, что тотъ, или другой, не имѣя въ своемъ участкѣ земли тѣхъ угодій, или произведеній, которые ему были необходимы, рѣшался воспользоваться ими воровски на чужой землѣ. И дѣйствительно, на этотъ видъ противозаконныхъ дѣйствій, указываютъ, по моему мнѣнію, во первыхъ приведенная уже статья Правды „о бобрѣ и разломаней борти", которая въ большей части списковъ, принятыхъ Г. Калачовымъ въ основаніе его изданія, представляетъ слѣдующее чтеніе

ст. CLXIX.

„Аже будеть розсѣчена земля или на земли „знаменіе есть имь же ловлено, или сѣть, то „по верви искати въ собѣ татя, а любо платити продажю." (12 гривенъ?)

Во вторыхъ статья XLV, имѣющая три различныя чтенія, изъ коихъ я приведу здѣсь одно только полнѣйшее, соединяющее въ себѣ всѣ признаки другихъ:

ст. XLV.

„А въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господи-
„ну, колико будетъ возъ украдено, то платити е-
„му по 2 ногатѣ за возъ."

Въ первой изъ этихъ статей рѣчь, какъ кажется, идетъ объ охотѣ или ловлѣ въ чужихъ дачахъ, быть можетъ именно о ловлѣ бобровъ, какъ это можно предположить изъ словъ варіанта этой же статьи, надписываемаго: „о бобрѣ и о разломаней борти." (59) Смыслъ постановленія въ этой статьѣ находящагося есть, по моему убѣжденію слѣдующій: Ежели земля будетъ изрыта, или же на ней найдены будутъ другіе признаки лов-

(59) Сравн. Изд. Калачова на стр. 95; также чтеніе этой статьи у Раковецкаго, Prawda Ruska, Т. 2. стр. 88, ст. 45.

ли,(60) или самая сѣть, то, хотя бы виновный въ этомъ не былъ извѣстенъ, вервь, или округа должна принять на себя трудъ отыскать татя, въ противномъ же случаѣ она обязана заплатить опредѣленную пеню (12 гривенъ).

Отсюда представляется возможность вывести нѣкоторыя общія заключенія. Такъ какъ пеня, опредѣляемая за производство ловли въ чужихъ земляхъ, равна той, которую, какъ мы уже видѣли, установляетъ Правда за порчу и истребленіе межевыхъ знаковъ, такъ какъ она вообще есть одна изъ высшихъ пеней, нашимъ памятникомъ опредѣляемыхъ; то это можетъ служить доказательствомъ, что этотъ видъ неправильнаго пользованія произведеніями чужой земли, почитаемъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ противозаконныхъ дѣйствій, какія могли быть

(60). Быть можетъ именно вырываніе ямъ было однимъ изъ способовъ, употребляемыхъ для ловли дикихъ звѣрей, какъ и теперь.

направлены противу чужой собственности вообще. Далѣе, изъ словъ: „то по врьви искати въ нихъ татя," надобно заключить, что ловля въ чужихъ дачахъ считалась татьбою, или воровствомъ. Впрочемъ, въ понятіяхъ людей разсматриваемаго періода времени, не могли еще различиться тѣ тонкія различія, какія обыкновенно установляются законодательствами позднѣйшаго, болѣе образованнаго времени, между разными видами неправильнаго пользованія и завладѣнія чужою собственностію. Напротивъ, каждое неправильное дѣйствіе, по отношенію къ чужому имуществу, считается теперь безразлично злодѣяніемъ, воровствомъ, а виновный въ томъ — татемъ или воромъ.(61) Подтвержденіе этому находимъ въ множествѣ статей Правды, между прочимъ и во второй изъ приведенныхъ мною статей, именно въ ст. – „о сѣнѣ и о дровахъ". Въ этой статьѣ рѣчь идетъ

(61) Cp. Ewers d. ält. R. d. R. S. 278 и 297.

также о не правильномъ пользованіи угодьями чужой земли, именно сѣномъ въ чужихъ лугахъ, дровами въ чужомъ лѣсу; но и то, и другое считалось также, какъ видно изъ словъ: „<u>колико будетъ возъ украдено</u>", воровствомъ. Нельзя однако не заметить, что неправильное пользованіе упомянутыми произведеніями чужой земли, считалось, какъ видно, гораздо меньшимъ преступленіемъ, нежели охота въ чужихъ угодьяхъ, а потому и постановленная на этотъ случай пеня гораздо ниже: виновный въ пользованіи чужимъ лѣсомъ или сѣнокосомъ обязанъ заплатить только 9 кунъ пени и, кромѣ того за каждый возъ дровъ и сѣна по 2 ногаты.[62] Это различіе въ пеняхъ невольно удивляетъ, въ особенности, если мы примемъ въ соображеніе, что охота въ чужихъ дачахъ могла

(62) О цѣнности и взаимномъ отношеніи гривны, куны, вѣкши, ногаты, резани и другихъ древнихъ монетъ, срав. Rakowieckiego, Prawda Ruska, T. 1. стр. 166–198.

дѣйствительно лишать хозяина земли значительныхъ выгодъ, которыхъ онъ могъ ожидать отъ ловли разныхъ пушныхъ звѣрей и въ особенности бобровъ[63.]; между тѣмъ какъ сѣна и дровъ, при обширности луговъ и лѣсовъ въ тогдашнее время, было болѣе нежели вдоволь, а потому владѣлецъ не терпѣлъ большаго убытка, ежели кто изъ его сосѣдей покоситъ въ лугахъ его возъ травы, или вывезъ изъ лѣса возъ дровъ. Вѣроятно что и искъ о покражѣ сѣна и дровъ не принадлежалъ къ разряду такихъ, въ которыхъ при неизвѣстности виновнаго, округа обязана была отыскивать его или платить пеню; по крайней мѣрѣ изъ словъ сюда относящейся статьи, не льзя вывести другаго заключенія.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже статей, я не

(63.) Извѣстно притомъ, что звѣриная и рыбная ловля составляла въ то время одну изъ важнѣйшихъ отраслей народной промышленности въ Россіи.

нахожу въ Русской Правдѣ другихъ, которыя бы указывали еще на мѣры огражденія поземельной собственности отъ неправильнаго ею завладѣнія или пользованія. Что же касается до другихъ предметовъ недвижимаго имущества, то о двухъ только изъ нихъ, конечно важнѣйшихъ и какъ бы обнимающихъ собою всѣ другіе, находится точное постановленіе въ слѣдующей статьѣ.

Ст. LXXIII.

„Аже кто зажьжетъ гумно, то на потокъ
„и на разграбежь домъ его, а переди пагубу ис-
„платити; а въ прочи князю поточити и. Та-
„кожде аже кто и дворъ зажьжетъ."

Статья эта имѣетъ еще и другія два чтенія,[64] которыя впрочемъ не представляютъ значительнаго различія отъ приведеннаго мною текста.— Во всякомъ случаѣ смыслъ ея выходитъ тотъ, что <u>кто зажжетъ</u> гумно или дворъ, тотъ со всѣмъ

(64) См. въ изд. Калачова, на стр. 108.

своимъ имуществомъ (домомъ) выдается Князю на <u>потокъ</u> и <u>разграбленіе</u>, но прежде изъ имущества его уплачивается потеря (пагуба) или причиненный убытокъ. Нѣкоторые, какъ Эверсъ и Рейцъ,[65] подъ словомъ <u>потокъ</u> понимаютъ заточеніе или изгнаніе; другіе, какъ Раковецкій,[66] думаютъ что оно значитъ отдачу въ рабство; третіе наконецъ, какъ переводчикъ Эверса,[67] думаютъ что слово <u>потокъ</u> означаетъ выдачу виновнаго головою Князю. Хотя по видимому Г. Платоновъ удаляется отъ подлинника, переводя такимъ образомъ слово <u>потокъ</u>, однакожъ мнѣ кажется, что догадка его есть самая правдоподобная, по крайней мѣрѣ толкованіе его есть самое обширное и обнимаетъ собою всѣ <u>другія</u>, потому что Князь могъ поступить по своему

(65) Ewers, d. ält. R. d. R. S. 332 ff.; Рейцъ, Опытъ Исторіи Росс. Гос. и Гр. Зак., перев. Морошкина, стр. 182 и въ др. м.

(66) Prawda Ruska, T. 2. стр. 59 ст. 17 и др.

(67) Древн. Р. Право, переводъ Платонова, стр. 409 и въ др. м.

употребленію съ человѣкомъ выданнымъ ему головою: онъ могъ его заточить, сослать въ изгнаніе, лишить свободы какимъ бы то ни было образомъ, можетъ быть даже и жизни. Что касается до слова грабежъ или разграбежъ, то всѣ понимаютъ его одинаково — оно значитъ конфискацію имущества преступника.

Такимъ образомъ, виновный въ зажигательствѣ и самъ лишался политическаго существованія, и имущество его, остающееся за удовлетвореніемъ причиненнаго убытка, подвергалось конфискаціи. Это есть самое высокое наказаніе, какое мы встрѣчаемъ въ Правдѣ; кромѣ означеннаго случая, оно опредѣлялось еще за злонамѣренное убійство и кражу нѣкоторыхъ болѣе цѣнныхъ предметовъ, (о чемъ будемъ имѣть случай говорить нѣсколько ниже). Отсюда явствуетъ, что истребленіе (конечно злонамѣренное) чужаго жилища или гумна огнемъ, считалось самымъ важнымъ преступленіемъ,

(68) Прав. ст. LXXI, изд. Калачова.

доказывающимъ присутствіе злѣйшаго ожесточенія въ преступникѣ, который дѣйствіемъ своимъ могъ лишить заразъ цѣлое семейство и крова и способовъ къ пропитанію, въ особенности если бы дѣйствіе это осталось не открытымъ. Не стану утверждать, что въ приведенной статьѣ рѣчь идетъ о злоумышленномъ зажигательствѣ, думаю однако, что случайное причиненіе пожара не могло бы влечь за собою столь строгаго наказанія; по крайней мѣрѣ это было бы очевидно несправедливо. Можно впрочемъ предполагать съ большою вѣроятностію, что тотъ кто случайно даже причинялъ пожаръ, долженъ былъ отвѣчать за происшедшій отъ сего убытокъ всѣмъ своимъ имуществомъ, но при томъ ни самъ онъ не лишался гражданской свободы, ни имущество его, остающееся за удовлетвореніемъ убытка, не подвергалось конфискаціи.

Во всякомъ случаѣ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, надобно думать, что, прежде нежели

виновный могъ быть подвергнутъ опредѣленному наказанію, требовалось доказать ему, посредствомъ иска, что онъ дѣйствительно виновенъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды, непосредственно послѣ статьи о гумнѣ, безъ особеннаго даже заглавія и отдѣленія слѣдуетъ постановленіе о злостномъ зарѣзаніи коня или скотины, а вслѣдъ за симъ опять правила о производствѣ исковъ, по этаго рода дѣламъ (69), а можетъ быть и по другимъ о поврежденіи и истребленіи чужой собственности. Текстъ статей, опредѣляющихъ порядокъ производства извѣстныхъ исковъ, по изданію Калачова, есть слѣдующій:

ст. CXIX.

„А тьи же тяже все судять съ послухы съ „свободными; будетъ ли послухъ холопъ, то холо„пу на правду не вылазити; но оже хочетъ

(69) Ср. Изданіе текста Правды XIII ст., въ сочиненіи Эверса, переводъ Платонова стр. 408 и 409, также у Раковіецкаго Pr. R. T. 2. стр. 97–100.

„мьтчь, или (70) имети и, а река тако: по сего (т. е. хо-
„лопа) рѣчи емлю тя, но азъ емлю тя, а не холопъ.
„И емлете и на желѣзо. Аже обвинить и, то и емь-
„леть на немь свое; не обвинить ли его, то запла-
„тити ему гривну за муку, зане по холопьи рѣ-
„чи ялъ и."

ст. CXLI.

„А желѣзная платити 40 кунъ, а мечнику
„5 кунъ, а полгривне дѣтьскому. То ти желѣзный
„урокъ, кто си въ чемъ поемлеть. Аже имети на
„желѣзо, по свободныхъ людии рѣчи, любо ли запа-
„нань будеть, (71) любо прохоженіе ночное, или кыимь

(70) Въ 44 сп., вмѣсто или, поставлено и — это понятнѣе.

(71) Такъ читается въ 9, 11, 14, 15, 22, 28, 29 и 37 спискахъ, и это есть, по моему мнѣнію самое правильное чтеніе. Извѣстно сколь различнымъ толкованіямъ подвергалось до настоящаго времени выраженіе любо ли запа нань (или запа нанъ, или запананъ) будеть. Не входя въ критическій разборъ мнѣній, высказанныхъ о семъ различными писателями, предлагаю здѣсь свою догадку на употрѣ-

„любо образомъ, аже не ожьжеться, то про то мукы
„не платити ему, нъ одно желѣзное, кто и будетъ
„ялъ."

ніе читателей. Нѣтъ сомнѣнія что Правда, именно въ позднѣйшихъ къ ней прибавленіяхъ, заключаетъ въ себѣ очень много словъ и выраженій, которыя могутъ быть объяснены не иначе какъ изъ языка южно-русскаго или малороссійскаго. Самыя даже грамматическія формы языка Русской Правды (если только о нихъ можно сказать что нибудь положительное), напоминаютъ нерѣдко формы малороссійскаго нарѣчія; напр. укравъ, вмѣсто укралъ, убивъ, вмѣсто убилъ и т. п. Къ числу тѣхъ выраженій, которыхъ значеніе открывается въ малороссійской рѣчи, я отношу также и любо ли запананъ будетъ. Мнѣ кажется именно что слово запананъ происходитъ отъ малороссійскаго зопыныть, что значитъ остановать, задержать, какъ бы зопнуть. Если допустимъ такое происхожденіе слова запананъ, то выраженіе: любо ли запананъ будетъ получитъ такой смыслъ: именно если онъ (т. е. обвиняемый и подвергаемый испытанію посредствомъ желѣза) былъ остановленъ (или задержанъ) —

Смыслъ обѣихъ этихъ статей есть тотъ, что, въ извѣстныхъ по крайней мѣрѣ искахъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и искъ о сожженіи гумна или двора, истецъ долженъ основывать обвиненіе свое на показаніяхъ людей свободнаго состоянія и, только за недостаткомъ свободныхъ свидѣтелей, можетъ онъ, если пожелаетъ, основать свое обвиненіе на свидѣтельствѣ человѣка не свободнаго - холопа. Впрочемъ либо (подразумѣвается: на самомъ томъ мѣстѣ, или вблизи того мѣста, гдѣ совершилось преступленіе, въ которомъ хотятъ уличать его). Догадку эту подтверждаютъ отчасти и слѣдующія за симъ выраженія: либо прохожденіе ночьное, которое я перевожу такъ: или же если его (т.е. обвиняемаго) видѣли проходящимъ ночью (опять надобно подразумѣвать мѣсто совершенія преступленія). Итакъ на испытаніе желѣзомъ можно было вызвать, или основываясь на свидѣтельствѣ свободныхъ людей, или на томъ, что обвиняемый задержанъ былъ на мѣстѣ преступленія, или же что его видѣли проходящимъ ночью вблизи того мѣста, или наконецъ и по другимъ обстоятельствамъ, могущимъ подать поводъ къ подозрѣнію.

чемъ, въ последнемъ случаѣ, онъ рискуетъ иногда самъ подвергнуться нѣкоторой отвѣтственности. Отъ обвиняемаго, конечно въ томъ случаѣ когда бы онъ запирался въ совершеніи приписываемаго ему противозаконнаго дѣйствія, требовалось чтобы онъ очистилъ себя испытаніемъ желѣзомъ. Еслели при этомъ онъ обжигался, то былъ ли онъ вызванъ на это испытаніе, въ слѣдствіе показанія людей свободныхъ, или даже по свидѣтельству холопа, во всякомъ случаѣ, онъ былъ окончательно обвиняемъ и долженъ былъ заплатить и убытки истцу, и пеню въ пользу Князя. Если же, напротивъ, обвиняемый при испытаніи желѣзомъ не обжегся, то дѣло принимало различный оборотъ, смотря по тому былъ ли онъ вызванъ на это испытаніе, по свидѣтельству свободныхъ людей, или по показанію холопа. Въ первомъ случаѣ, истецъ, независимо отъ потери иска, долженъ былъ еще заплатить, такъ называемое, желѣзное, т. е. установленную за испытаніе желѣзомъ въ пользу Кня-

ую пошлину, именно 40 кунъ. Во второмъ же случаѣ, т.е. когда истецъ вызывалъ отвѣтчика на испытаніе желѣзомъ, по показанію холопа, онъ обязанъ былъ кромѣ того заплатить еще гривну невинно потерпѣвшему муку. Итакъ, видно что нѣкоторые по крайней мѣрѣ иски, между прочими и о зажигательствѣ, производимы были съ извѣстною торжественностію и, для окончательнаго обвиненія подозрѣваемаго въ совершеніи преступленія требовались полнѣйшія, по понятіямъ того времени, противу него доказательства. Думаю даже что слова послѣдней изъ приведенныхъ статей: „оже иметь на желѣзо по свободныхъ людіи рѣчи, любо ли лапа на нь будеть, любо прохоженье ночьное и проч. указываютъ преимущественно на производство дѣла о зажигательствѣ.

Замѣчу еще что законъ предписываетъ истцу, вызывающему отвѣтчика на испытаніе желѣзомъ, по показанію холопа, произносить слова: „по сего

(холопа) рѣчи емлю тя, но азъ емлю тя, а не холопъ." Слова эти имѣютъ видъ юридической формулы (solemnia verba) и можетъ быть дѣйствительно формулу эту обязанъ былъ произносить истецъ, съ требуемою въ такихъ случаяхъ торжественностію и точностію. Можно даже предположить что подобныя торжественныя изрѣченія опредѣлены были, если не закономъ, то по крайней мѣрѣ обычаемъ, и для другихъ судебныхъ случаевъ, и для разныхъ юридическихъ сдѣлокъ. Прописанныя сейчасъ слова ведутъ наконецъ къ заключенію, что холопъ, какъ человѣкъ несвободный, принадлежавшій вполнѣ своему господину, не могъ быть никогда истцемъ; тѣмъ болѣе, что если бы искъ его оказался несправедливымъ, то не было бы возможности взыскать съ него что нибудь, какъ съ человѣка не имѣющаго собственности. Свободный же человѣкъ, основывая требованія свои на показаніи холопа и произнося: азъ емлю тя, а не холопъ, показывалъ тѣмъ самымъ, что

онъ готовъ, въ случаѣ потери иска, отвѣчать и казнѣ, и несправедливо обвиняемому отвѣтчику.

Разсмотрѣнными до сего времени статьями ограничивается кругъ постановленій Русской Правды, имѣющихъ въ виду огражденіе недвижимаго имущества частныхъ лицъ.

Обращаюсь теперь къ изслѣдованію постановленій, направленныхъ на охраненіе движимаго имущества. Статьи сюда относящіяся довольно многочисленны, и я постараюсь расположить ихъ въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ, смотря по различію предметовъ, до которыхъ онѣ касаются.

Прежде всего слѣдуетъ, какъ я думаю, обратить вниманіе на статьи, опредѣляющія мѣры огражденія противу похищенія разныхъ предметовъ движимаго имущества, или постановленія о воровствѣ. Нѣкоторыя изъ статей, относящихся къ этому предмету, имѣютъ видъ общихъ, такъ сказать, правилъ, другія, напротивъ, ука-

зываютъ на особенные случаи, въ которыхъ эти общія правила могутъ быть вполнѣ или отчасти примѣнимы.

Къ числу общихъ постановленій о воровствѣ относятся, по изданію Г. Калачова, слѣдующія статьи:

ст. LXXXV.

„Аже убіютъ огнищанина у клѣти, или у „коня, или у говяда, или у коровьеъ татьбы, то „убити въ пса мѣсто; а тоже поконъ и тиву-„ницу."

ст. LXXXVI.

„А оже убьютъ кого у клѣти, или у кото-„рои татьбы, то убьютъ и въ пса мѣсто. Оже „ли и додержатъ до свѣта, то вести и на княжь „дворъ; оже ли убіютъ и, а уже будутъ видѣли „людіе связана, то платити въ томъ 12 грив-„не." (72)

(72) Статья эта имѣетъ еще другое чтеніе, по 1 списку, и с-

ст. LXXXVII.

„Оже убіенъ тать, а подымутъ ноги во двѣ-„рѣ,(73) ино убитъ; если подымутъ ноги за воро-„ты, толи платити въ немъ."

Всѣ три статьи заключаютъ, какъ видимъ, одну, основную мысль: что хозяинъ вещи можетъ застигнутаго на мѣстѣ преступленія вора у-бить въ пса мѣсто, или, какъ говорится еще и теперь въ просторѣчіи, какъ собаку (ни за собаку), т. е. безнаказанно, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности. Но притомъ каждая изъ э-тихъ статей служитъ какъ бы дополненіемъ и поясненіемъ другихъ. Можно даже предполагать что онѣ суть не иное что, какъ различныя, въ раз-ночтеніи тѣмъ въ особенности отличающіяся отъ приведенной, что въ концѣ статьи, вмѣсто платити въ томъ 12 гривнѣ, сказано просто: платити въ немъ. Кромѣ того, вмѣсто то убьютъ въ пса мѣсто, читаемъ: то той убитъ.

(73.) Эверсъ думаетъ что надобно читать: во двѣрѣ

ное время появившіяся редакціи одного и тогоже закона. Между тѣмъ какъ первая изъ нихъ, быть можетъ древнѣйшая, позволяетъ просто убить вора безнаказанно, во второй постановляется уже ограниченіе, состоящее въ томъ, что если вора успѣли поймать живаго и додержали до свѣта, то не позволялось уже убивать его, подъ опасеніемъ уплаты пени въ 12 гривенъ (?). Третья, наконецъ, изъ приведенныхъ статей (74) указываетъ какъ бы на возникшее сомнѣніе о томъ, былъ ли дѣйствительно воръ убитъ на мѣстѣ преступленія (гдѣ его позволялось убить), или же внѣ этаго мѣста - внѣ двора. Сомнѣніе разрѣшалось отысканіемъ слѣдовъ ногъ убитаго внутри двора и за воротами его. Какъ бы то ни было, видно по крайней мѣрѣ, что мысль о безнаказанномъ убіеніи вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія,

(74) Она находится въ одномъ только спискѣ, именно Ч. Синод. Калачова, стр. 113, примѣч.

была, такъ сказать, задушевною мыслію, глубоко укоренившеюся въ сознаніи народномъ и въ умѣ законодателей. Мы видѣли уже прежде что она нашла для себя выраженіе въ договорѣ Олега съ Греками, видимъ ее здѣсь и наконецъ эта-то мысль проявляется, быть можетъ, и въ одной изъ статей договора, заключеннаго Смоленскимъ Княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ съ Ригою и Готландіею. Статья 24ая этаго договора, по изданію Раковѣцкаго (75), гласитъ слѣдующее:

„Который Русинъ или Латынескій имьтъ
„татя, надъ тьмъ іемоу своя вълѧ — камь іего
„хочетъ, тамъ дьржетъ."

Изъ словъ: надъ тьмъ (т.е. надъ пойманнымъ воромъ) іемоу своя вълѧ," можно было бы сдѣлать предположеніе, что хозяинъ поймавшій вора могъ даже и убить его; послѣднія однако слова: камь іего хочетъ, тамъ дьржетъ, заставляютъ

(75) Rakowiecki, Prawda Ruska, T. 2. стр. 31.

думать, что при постановленіи этой статьи имѣли въ виду именно тотъ случай, когда воръ, не представляя сопротивленія, взятъ былъ живымъ. Тогда хозяину предоставлено было право поступить съ нимъ какъ ему было угодно и держать его въ заключеніи (вѣроятно до окончательной съ нимъ раздѣлки), гдѣ самъ пожелаетъ. Если это такъ, то достойно замѣчанія, что, между тѣмъ какъ Русская Правда велитъ пойманнаго вора вести на <u>княжь дворъ</u>, гдѣ онъ конечно былъ судимъ и наказуемъ, независимо отъ произвола поймавшаго его хозяина, договоръ Мстислава Давидовича обращается какъ бы вспять, къ началамъ, которыя мы уже видѣли въ Олеговомъ договорѣ, и подобно ему, участь пойманнаго вора предоставляетъ произволу обиженнаго, частнаго лица. Независимо отъ сего, воръ, который оказывалъ какое нибудь сопротивленіе и котораго хозяинъ, въ первомъ по-

рыхъ гнѣва, убивалъ, считался вѣроятно, по смыслу договора съ Ригою и Готландіею, точно также какъ и по смыслу Правды, убитымъ въ пса мѣсто. Карамзинъ (76) и нѣкоторые другіе писатели, желающіе, можетъ быть, очистить законодательство Славяно-Русское отъ упрека въ жестокости, столь не сообразной, по ихъ мнѣнію, съ приписываемою древнимъ Славянамъ мягкостью характера, старались доказать посредствомъ разнаго рода сближеній, что законъ, дозволяющій убивать вора на мѣстѣ преступленія, не былъ закономъ кореннымъ, а что онъ заимствованъ изъ законодательства Скандинавскаго. Весьма возможно что постановленія Русской Правды имѣютъ довольно даже близкое сходство съ постановленіями Скандинавскими о томъ же предметѣ, но едвали можно уже по этому утверждать рѣшительно, что первыя были

(76) Ист. Гос. Росс. Изд. 1е. Т. 1. стр. 237 и 481, прим. 503.

составлены подъ вліяніемъ послѣднихъ. Защищать себя и свою собственность всѣми возможными средствами, хотя бы даже лишая жизни того, к/о на нихъ нападаетъ, есть конечно такое право, которое человѣкъ не достигшій еще высшаго гражданскаго образованія, не зависимо отъ своей народности, считаетъ своею не отъемлемою принадлежностію. Здѣсь надобно искать причины сходства постановленій, ограждающихъ право собственности у различныхъ народовъ. Во всѣхъ почти славянскихъ земляхъ воровство наказываемо было очень строго, всегда почти смертію.(77) Всего однако замѣчательнѣе то, что Статутъ Литовскій, котораго послѣдняя редакція появилась уже въ концѣ XVI столѣтія, и который до не давняго еще времени имѣлъ обязательную силу, содержитъ постановленія, живо напоминаю

(77) Срав. Maciejowskiego Historya Prawodawstw Słowiańskich, T. 2. 1832 г. стр. 162 и слѣд.

щія опредѣленія Руской Правды, что и онъ также допускаетъ, какъ видно, безнаказанное убіеніе застигнутаго на мѣстѣ преступленія вора[78], предписывая при томъ съ большою подробностію какъ именно долженъ поступить въ этомъ случаѣ хозяинъ-убійца, для того чтобы доказать предъ судомъ, что онъ дѣйствительно убилъ вора при совершеніи имъ кражи, и чтобы такимъ образомъ избѣгнуть судебнаго за то преслѣдованія.-

Кромѣ разсмотрѣнныхъ общихъ постановленій о воровствѣ, Руская Правда содержитъ еще довольно много статей, опредѣляющихъ, съ одной стороны, какому наказанію долженъ подвергнуться воръ, когда преступленіе его доказано, а съ другой стороны, въ какой мѣрѣ долженъ быть вознагражд-

(78) Statut Litewski, Rozdz. XIV, Art. 21, „Jeżeliby kto złodzieja przy licu w domu swym zabit etc…"; также Rozdział XIV Art 26. §2. (У Раковецкаго Pr. R. Т. 2. стр. 66 и 67, примѣч. (i).

денъ хозяинъ украденной вещи, за потерянный имъ убытокъ. Изъ содержанія этихъ статей нашего памятника мы убѣждаемся, что не только мѣра вознагражденія частнаго лица, что очень понятно, но и самое наказаніе за воровство, наказаніе состоящее большею частію въ платежѣ опредѣленной пени или т. наз. <u>продажи</u> въ пользу Князя, были различны, смотря по различію украденныхъ вещей. Въ сущности воровство есть всегда воровствомъ и характеръ этаго противозаконнаго дѣйствія нисколько не зависитъ отъ различія похищаемыхъ предметовъ и различной ихъ цѣнности. Скорѣе можно бы допустить, что на опредѣленіе сущности этаго преступленія могутъ имѣть вліяніе побудительныя причины, заставившія человѣка рѣшиться на похищеніе чужой собственности. Ясное и точное раскрытіе этихъ причинъ могло бы конечно, иногда значительно ослабить понятіе виновности преступника, и-

когда напротивъ усилить его. Къ сожалѣнію раскрытіе внутреннихъ побужденій, заставляющихъ человѣка дѣйствовать такъ или иначе, не можетъ быть предметомъ судебныхъ доказательствъ, по крайней мѣрѣ доказательства эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы совершенными. — По этому то, можетъ быть, даже законодательства намъ современныя, мало обращаютъ вниманія на побужденія человѣка, совершившаго противозаконное дѣйствіе, въ особенности когда оно направлено было противу права собственности; и, во многихъ случаяхъ, причиняемый преступникомъ матеріальный вредъ, служитъ мѣриломъ для опредѣленія степени наказанія. Не удивительно послѣ того, если древнія, не развитыя еще законодательства руководились этимъ же началомъ.

Изъ всѣхъ предметовъ движимаго имущества, конь, какъ животное самое необходимое въ домашнемъ быту и на войнѣ, былъ предметомъ особенной

заботливости закона и потому за кражу его виновный выдается Князю головою, или на потокъ. Это открывается изъ

Ст. LXXII.

„Аще будетъ коневый тать, то выдати и Князю на потокъ; паки ли будетъ клѣтьный тать, „то 3 гривны платити ему за то."

Нельзя положительно сказать было ли разграбленіе дома или конфискація имущества необходимымъ слѣдствіемъ выдачи на потокъ. Скорѣе можно думать что нѣтъ; потому что въ другихъ статьяхъ Правды, которыми опредѣляются наказанія убійцъ и зажигателю, упоминается ясно не только о поточеніи преступника Князю, но и о разграбленіи его имущества. Наказаніе падало такимъ образомъ не на одного только виновнаго, но и на его семейство. Напротивъ въ приведенной сейчасъ статьѣ говорится, объ одномъ только потокѣ, изъ чего заключить можно, что, хотя воръ, укравшій

коня, подвергался самому строгому изъ наказаній опредѣленныхъ за воровство, но по крайней мѣрѣ, тяжесть наказанія падала на него одного, семейство же его не терпѣло отъ этаго никакихъ лишеній.

За похищеніе или кражу другихъ предметовъ движимаго имущества опредѣляются болѣе или менѣе значительныя пени (продажа), смотря по особенному воззрѣнію того времени на цѣнность украденныхъ вещей. На это ясно указываютъ:

ст. CXI.

„Аже украдетъ кто бобръ, то 12 гривенъ про-
„дажѣ."

ст. CX.

„Ажели крадетъ гумно, или жито въ ямѣ, то
„колико ихъ будетъ крало, то всѣмъ по 3 гривны
„и по 30 кунъ; а у него же будетъ погибло, то аже
„будетъ лице, то лицемъ поиметь, а за лѣто —
„возметь по полугривнѣ."

ст. CVIII.

„Аже ли украдетъ кто скотъ въ хлѣвѣ, или „клѣти, то аже будетъ одинъ, то платити ему „3 гривны и 30 кунъ, а будетъ ли ихъ много, то „всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ платити."

ст. CIX.

„Аже ли украдетъ кто скотъ на поли, или „овцы, или козы, или свиньи, то 60 кунъ, а будетъ „ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ." (79)

ст. CXII.

„Аже ли кто украдетъ въ чей перевѣсѣ кій- „песъ, или соколъ, или ястребъ, то продаже 3 грив- „ны, а господину за птицю гривна."

ст. CXIII.

„Аже пчелы выдеретъ кто, 3 гривнѣ продаже,

---

(79) Эта статья и предшествующая имѣютъ еще и другое чтеніе (по 1 сп., сравн. изд. Калачова), которое тѣмъ въ особенности отли-чается отъ чтенія по большинству списковъ, что вмѣсто 30 и 60 кунъ продажи; тамъ назначается 30 и 60 рѣзанъ.

"а за медъ, оже будеть пчелы не вылажены, то 10
"кунъ, будеть ли олекъ (рекше гнѣздо) то 5 кунъ."

ст. CXIV.

"Аже кто лодьи украдеть, то 60 кунъ прода-
"же, а лодью лицемь опять воротити; а не будеть
"ли лицемь, то за морьскую лодью 3 гривны, а за на-
"бойную лодью 2 гривне, а за челнъ 20 кунъ, а за стругъ
"гривна."

При не опредѣленной теперь еще цѣнности денегъ рассматриваемаго нами періода времени, трудно составить себѣ совершенно отчетливое понятіе о разной величинѣ пеней, опредѣленныхъ за похищеніе разныхъ вещей. Впрочемъ это и не имѣетъ особеннаго юридическаго интереса. Для насъ всего важнѣе то, какія мы можемъ открыть и сознать общія начала, которыми въ этомъ случаѣ руководилось древнее законодательство.

Предметомъ особенной его заботливости было, какъ видно изъ приведенныхъ статей, обезпеченіе

цѣлости и спокойнаго владѣнія вещами къ различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности относящимися. О похищеніи наличныхъ денегъ и драгоцѣнностей вообще, нигдѣ не упоминается; изъ чего вывести можно заключеніе, что эти предметы были тогда довольно рѣдки (80) и хранились, что называется подъ спудомъ. Самая высокая пеня (12 гривенъ) назначается за кражу бобра. Кажется что въ старину, хотя бобровъ и нельзя причесть къ разряду домашнихъ животныхъ, Славяне не только Русскіе, но и другіе, занимались ихъ разведеніемъ и имѣли правильно устроенныя бобровыя хозяйства. Знаменитый Польскій ученый, Θаддей Чацкій (81), утверждаетъ, что многія постановленія XIII столѣтія упоминаютъ объ особенныхъ даже чиновникахъ въ Польшѣ, называемыхъ бобровниками, а въ одной рукописи 1229 года, писанной

(80) Правд. Русск. Перев. Морошкина. стр. 67. § 16.

(81) Czacki, o Litewskich i Polskich Prawach. Т. 2. стр. 264.

на латинскомъ языкѣ и принадлежавшей этому ученому, усматривается, что, около Пултуска, такъ были устроены бобровыя хозяйства, что владѣльцы умѣли даже подбирать цѣлыя стада одношерстныхъ бобровъ, преимущественно черныхъ (castores nigricini). Вѣроятно въ подобномъ же состояніи находилась эта отрасль хозяйства и въ древней Россіи.

Далѣе опредѣляются пени, большею частію въ 3 гривны, за кражу зерноваго и немолоченнаго хлѣба (первый хранился въ ямахъ, другой въ гумнахъ), за похищеніе домашняго скота изъ хлѣва или клѣти, равно какъ и въ полѣ. Такъ какъ охота была вѣроятно не только любимымъ занятіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прибыльною отраслію промышленности, то по этому за похищеніе охотничьей собаки, ястреба и сокола опредѣляется столь же почти высокая пеня, какъ и за кражу домашняго скота. Равнымъ образомъ съ точностію обозначены пени за похищеніе пчелъ, также рѣчныхъ

и морскихъ ладей.(82) Всего замѣчательнѣе для насъ должно быть то, что, какъ это видно изъ содержанія статей CVIII–CX, включительно, всѣ участники преступленія подвергались равному наказанію, именно каждый изъ нихъ порознь долженъ былъ заплатить полную, опредѣленную за тотъ или другой видъ покражи, пеню, хотя бы даже 10 человѣкъ одну овцу крали.(83) Хотя опредѣленіе э/о находимъ мы только въ статьяхъ, упоминающихъ о кражѣ скота и хлѣба, можно однако думать, что это же правило примѣняемо было и къ другимъ видамъ похищенія чужой собственности, а можетъ быть даже и къ другимъ преступленіямъ. Какъ скоро человѣкъ достигъ сознанія справедливости въ отдѣльномъ какомъ нибудь случаѣ, то ему не трудно уже примѣнить свое о ней понятіе къ другимъ подобнымъ же явленіямъ и, такимъ обра-

(82) Описаніе разныхъ сортовъ ладей см. у Раковецкаго Р. П. Т. 1. стр. 139–141.

(83) Это видно изъ варіанта CIX ст., по 1 списку (Сравн. изд. Калачова).

зомъ, возвести его на степень общаго начала. Это даже, мнѣ кажется, есть одно изъ желаній, врожденныхъ человѣческому уму. Замѣчу наконецъ, что въ Статутѣ Литовскомъ находимъ опять постановленія весьма сходныя съ тѣми статьями Правды, въ которыхъ установляются пени за похищеніе охотничьихъ птицъ и собакъ, также за кражу пчелъ и меда. Само собою разумѣется что постановленія Статута болѣе подробны и опредѣлительны; это однако не мѣшаетъ замѣчать явное на нихъ вліяніе правилъ разсматриваемаго нами памятника. Надобно даже удивляться, что не смотря на промежутокъ времени, заключающій въ себѣ около 400 — лѣтъ и раздѣляющій оба эти законодательные сборника, въ томъ и другомъ встрѣчаемъ мы еще одинаковыя подробности и даже одни и тѣже слова. Такъ напримѣръ; въ Литовскомъ Статутѣ[84] различается; также какъ и въ Прав-

[84] Stat. Lit. Rozdz. X. art. 13 § 2.... „Za barć ze pszczołami nie pod-

дѣ, похищеніе пчелъ лаженыхъ отъ нелаженыхъ; здѣсь и тамъ говорится о перевѣси и о перевѣсной сѣти и т. п.(85) Не есть ли это довольно убѣдительное доказательство тому, что Правда Русская имѣла даже въ Литвѣ обязательную силу закона и принята была при составленіи Статута Литовскаго, за одно изъ главныхъ руководствъ!—

Независимо отъ больше или меньше значительной пени, которую виновный въ похищеніи чужой собственности обязанъ былъ заплатить въ пользу Князя, онъ еще долженъ былъ удовлетворить хозяина за претерпѣнный имъ убытокъ. Общее въ этомъ случаѣ правило было кажется то, что

bieranémi, 3 rubli groszy." (у Rakowiecki, Pr. R., Т. 2. стр. 93).

(85) Statut Lit. Rozdz. X, art. 8, §3. „A ktoby przewieś komu „drugiemu porabał, albo nić przewieśną skradł, ma zapłacić „6 rubli groszy, a za nić kopę groszy zapłacić." (У Раковецкаго, тамъ-же стр. 96).

украденная вещь возвращаема была лицемъ прежнему ея хозяину, если же лица уже не было, то воръ обязанъ былъ заплатить за нее опредѣленную цѣну (урокъ), а иногда и больше того, въ вознагражденіе за обиду противозаконнымъ дѣйствіемъ его причиненную, хозяину украденной вещи.

Нѣкоторыя изъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ статей Правды, рядомъ съ постановленіями о пеняхъ, содержатъ также указанія на то, въ какой мѣрѣ долженъ быть удовлетворенъ хозяинъ, потерпѣвшій убытокъ. Такъ въ ст. LX значится, что тотъ у кого украденъ хлѣбъ получаетъ его обратно, "а за лѣто възметь по полугривнѣ." Послѣднія слова обыкновенно объясняютъ такъ, что хозяинъ покраденнаго хлѣба, — сверхъ того что получалъ его обратно, имѣлъ еще право на вознагражденіе со стороны вора, за понесенный убытокъ въ слѣдствіи того что

воръ отнялъ у него возможность пользоваться э-тимъ хлѣбомъ въ теченіи лѣта.(86) Далѣе ст. CXII, кромѣ пени за кражу собаки, сокола или ястреба, опредѣляетъ еще вознагражденіе хозяину ихъ: „а господину за тщину гривна". Точно также въ ст. CXIII (о пчелахъ), независимо отъ пени за выдраніе пчелъ, назначается вознагражденіе за медъ, 10 и 5 кунъ, смотря по тому были ли пчелы не лажены, или только гнѣздо отъ нихъ (олекъ). Нѣкоторые подъ словомъ олекъ понимаютъ улей, и въ такомъ случаѣ надобно его противопоставить борти. Наконецъ въ ст. CXIV, опредѣляется, что воръ, кромѣ пени, долженъ былъ или возвратить хозяину украденную ладью, или, когда ее не было въ наличности, то заплатить за морскую ладью 3 гривны, за набойную 2 гривны, за стругъ гривну, а за челнъ 20 кунъ.

Кромѣ приведенныхъ указаній на вознагражде-

(86) Сравн. впрочемъ Раковецкаго Pr. P. T. 2. стр. 69 примѣчаніе.

дение хозяина, потерпѣвшаго убытокъ, есть еще нѣсколько статей относящихся непосредственно къ этому предмету, таковы:

ст. XLI.

„Пакы ли лица не будетъ, аще будетъ княжь
„конь, то платити зань 3 гривны, а за инѣхъ
„по 2 гривнѣ."

ст. XLII.

„Оже (а) за кобылу 60 кунъ, а за волъ гривну, а
„за корову 40 кунъ, а за третьяку 30 кунъ, а за
„лоньщину полгривны, а за теля 5 кунъ, а за
„свинью 5 кунъ, а за порося ногата, а за овцу
„пять кунъ, а за баранъ ногата, а за жеребецъ,
„оже будетъ не всѣдано нань, то гривна кунъ да-
„ти зань, а за жеребя 6 ногатъ, а за коровие мо-
„локо 6 ногатъ. То ти уроци смердомъ, оже пла-
„тять князю продажю."

ст. XLIII.

„А за голубь 9 кунъ, а за куря 9 кунъ, а за у-

„товъ 30 кунъ."

ст. XLIV.

„А за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за „журавль 30 кунъ."

При опредѣленіи мѣры вознагражденія частнаго лица потерпѣвшаго убытокъ принимаемы быть можетъ были во вниманіе еще и тѣ статьи Правды, въ которыхъ съ такою точностію обозначается приращеніе всякаго рода вещей, находившихся въ чужомъ пользованіи, по истеченіи опредѣленнаго времени.(87) Что касается до четырехъ только что прописанныхъ статей, которыя по всей справедливости можно почесть за одну, то изъ нихъ я нахожу возможнымъ вывести одно только заключеніе, именно то, что собственность Князя цѣнима была выше нежели собственность частныхъ лицъ. На это указываетъ именно ст. XLI, въ которой значится, что

(87) Именно въ ст. XXII — XXXVII вкл., по изд. Калачова.

за княжескаго коня надобно было заплатить 3 гривны, а за коня частному лицу принадлежащаго только 2 гривны. Не льзя ли предположить что это частное постановленіе о конѣ имѣло также значеніе общаго правила и что въ такой же соразмѣрности надобно было платить и за другія у Князя украденныя вещи. Если, напримѣръ, за похищеніе какой нибудь вещи у частнаго лица назначено было вознагражденіе въ 20 кунъ, то за похищеніе этойже вещи, если она принадлежала Князю, надобно было заплатить 30 кунъ. Можетъ быть требовалось при томъ чтобы вещь носила на себѣ признаки, что она дѣйствительно принадлежала Князю; такъ по крайней мѣрѣ надобно думать, судя по тому, что сказано въ варіантѣ статьи о конѣ: „А за княжь конь, иже той съ пятномъ, 3 гривнѣ и пр." (88)

Таковы были постановленія Русской Правды

(88) См. изд. Калачова, ст. XLI, по 1 сп.-

о похищеніи чужой собственности людьми свободными.

Не весьма многочисленный классъ народонаселенія въ тогдашнее время составляли люди не свободные — рабы или холопы. Чаще можетъ быть нежели люди свободнаго состоянія позволяли они себѣ похищать чужія вещи, иногда по нуждѣ, а иногда и по другимъ какимъ нибудь побужденіямъ. Какъ бы то ни было, законодатели должны были замѣтить, что правила установленныя для огражденія частной собственности отъ противозаконныхъ дѣйствій свободныхъ людей не могли быть примѣняемы къ таковымъ же дѣйствіямъ людей не свободныхъ, слѣдовательно не располагающихъ собою, и, въ строгомъ смыслѣ не имѣющихъ другаго значенія кромѣ значенія движимыхъ вещей. Вотъ почему, въ разсматриваемомъ памятникѣ Русскаго законодательства, находимъ нѣсколько особенныхъ правилъ о воровствѣ, совершенномъ холопами. Правила эти выра-

жены въ слѣдующихъ статьяхъ:

ст. XLVI.

(она имѣетъ два лишь, но различныя чтенія)

а, А оже ли будуть холопи татье, то судъ „княжь, любо княжи, любо боярстии, любо „черньчи, ихъ же князь продажею не казнить, „занеже суть не свободьнии, то двоицы плати„ти истьцу за обиду." (Таково чтеніе по большинству списковъ.)

б, Ажъ будетъ холопски тать, то судъ княжь, „ихъ же князь обиду платитъ истцу." (Чтеніе по 33 и 34 спискамъ.)

ст. XLIX.

„Аже ли холопъ покрадетъ кого любо, то го„сподину выкупати и, любо выдати и съ кымъ „будетъ кралъ; а женѣ, ни дѣтемъ не надобѣ, „а оже будуть съ нимъ крали или хоронили, то „всѣхъ ихъ выдати. Паки ли я выкупаетъ го„сподинъ, аже ли будуть свободнии съ нимъ —

„крали или хоронили, то всѣ князю въ продажѣ."

ст. XLVII.

„Аже холопъ обѣльной выведетъ конь чій любо то платити зань господину его 2 гривны."

Двѣ первыя изъ приведенныхъ статей заключаютъ какъ бы общія правила относительно кражи совершенной холопами; другія двѣ, напротивъ, указываютъ на особенные случаи. Смыслъ общихъ правилъ есть кажется тотъ, что, ежели воръ оказался человѣкомъ не свободнымъ, а принадлежащимъ кому нибудь холопомъ, то такъ какъ холопъ ничего своего не имѣлъ то и нельзя было подвергнуть его пенѣ въ пользу Князя. Частное лице однако, потерпѣвшее убытокъ, не должно было оставаться безъ удовлетворенія. Хозяинъ раба, совершившаго кражу, долженъ былъ заплатить обиженному лицу вдвое противу того, что стоила украденная вещь и тѣмъ какъ бы выкупить своего холопа; если же онъ

не хотѣлъ выкупать своего раба, то обязанъ былъ выдать его головою хозяину украденной вещи, и не только его одного, но и всѣхъ непосредственно участвовавшихъ въ кражѣ или только пособствовавшихъ этому преступленію, черезъ укрывательство воровскихъ вещей. Законъ однако явнымъ образомъ отдѣляетъ участь вора отъ участи его семейства, постановляя, что жена и дѣти холопа, совершившаго воровство, выдаются вмѣстѣ съ нимъ, развѣ только когда они также участвовали въ кражѣ или же хранили украденныя вещи. Ежели въ совершеніи воровства или утайкѣ вещей, вмѣстѣ съ холопомъ, участвовали свободные люди; то, хотя бы господинъ выкупилъ своего холопа, всѣ прочіе не освобождались уже черезъ это отъ наказанія, напротивъ каждый изъ нихъ долженъ былъ заплатить Князю опредѣленную закономъ <u>продажу</u>. Итакъ, здѣсь опять видимъ мы, что, не

только всѣ соучастники преступленія, но и укрыватели подвергались равному законному взысканію.

Особенное правило постановляется на тотъ случай, когда бы чей нибудь холопъ, бѣжавъ, слѣдовательно вышедши на время, хотя и незаконно, изъ подъ непосредственной власти и присмотра своего господина, снесъ что либо отъ сосѣдей его. Хозяинъ бѣжавшаго и потомъ укравшаго что либо раба могъ конечно отказаться отъ него и предоставить его распоряженію потерпѣвшаго убытокъ; но ежели онъ хотѣлъ получить своего холопа обратно, то долженъ былъ заплатить хозяину украденной вещи <u>только</u> цѣну ея (урокъ платити), не бывъ обязаннымъ платить за нее <u>вдвое</u>, какъ бы во вниманіе къ тому, что хозяинъ бѣглаго раба не имѣлъ уже возможности присматривать за его дѣйствіями.

Въ послѣдней наконецъ изъ прописанныхъ ста-

тей постановляется, что ежели чей либо холопъ уведетъ чужаго коня, то господинъ его долженъ за него заплатить 2 гривны (за княжеского коня быть может 3 гривны). Не могу понять почему за кражу коня холопомъ господинъ его платилъ только обыкновенную обиду (89); между тѣмъ какъ по общему правилу онъ бы долженъ платить вдвое.

Кромѣ людей свободныхъ и не свободныхъ, были еще въ древней Россіи (а въ практикѣ существуютъ и до настоящаго времени), такія лица, которыя, не теряя личной свободы, состояли однако, хотя и временно, въ столь тѣсной зависимости отъ другихъ лицъ, что ихъ можно назвать людьми полусвободными — это, такъ называемые закупы или закупни, т. е. люди, которыхъ дѣятельность и личная свобода закуплена была на опредѣленное время другими, за извѣст-

(89) Сравн. выше ст. XLI.

ное количество денегъ. Такіе закупы легко могли обратиться въ людей совершенно не свободныхъ — въ холопей, ежели, напримѣръ, они дѣлали покушеніе на бѣгство отъ господина, во власти котораго они состояли.(90) Объ этихъ полусвободныхъ людяхъ Русская Правда содержитъ довольно много постановленій, и между ними одно, которое именно указываетъ на тотъ случай, когда кража совершена закупомъ.

ст. XXI.

„О закупѣ. Оже уведетъ что, то господинъ „въ томъ не платитъ;(91) нъ оже индѣ налѣзутъ „и, то заплатитъ передніи господинъ его конь, „или иное что будетъ взялъ, а ему холопъ обель„ныи. Паки ли господинъ его не хотѣти на„чнетъ платити занъ, а продастъ и, отдастъ же „переди или за конь, или за волъ, или за товаръ,

(90) Сравн. ст. XVII изд. Калачова, стр. 87.

(91) Неплатитъ прибавлено въ 12 и 40 спискахъ.

„что будетъ чюжего взялъ, а прокъ ему самому „взяти собѣ."

Начало этой статьи представляетъ поводъ къ сомнѣніямъ, именно потому, что въ нѣкоторыхъ спискахъ не достаетъ словъ: <u>не платить</u>, въ другихъ напротивъ, хотя и не многихъ, слова эти прибавлены. Отсюда произошли различные переводы и толкованія этого текста. Нѣкоторые, между прочими и Раковецкій,(92) не принимая во вниманіе словъ: <u>не платить</u>, думаютъ что когда закупъ уведетъ чью либо скотину, то господинъ его долженъ за него заплатить. Напротивъ Эверсъ(93) понимаетъ начало этой статьи такъ: что господинъ не отвѣчаетъ за своего закупа, если сей снесши что-нибудь у посторонняго человѣка скрылся и если <u>онъ не былъ</u> представленъ хозяину своему на ли-

(92) Rakowiecki, Pr. R., Th. 2, стр. 84.

(93) Ewers, d. ält. R. d. R. S. 330 und 340, Anm. 27.

щее. Съ этимъ послѣднимъ толкованіемъ надобно кажется согласиться, принимая во вниманіе все что читаемъ непосредственно послѣ словъ: <u>то господинъ въ томъ не платитъ</u>. Да, хозяинъ закупа не платитъ за него, покуда его не отыщутъ, потому что, въ такомъ случаѣ, хозяинъ терпѣлъ бы двойной убытокъ, лишаясь и услугъ закупа и, сверхъ того, вознаграждая причиненный имъ кому нибудь убытокъ. Но когда закупъ совершившій кражу былъ отысканъ и представленъ своему хозяину, тогда послѣдній, заплативъ за него владѣльцу украденной вещи, пріобрѣталъ уже надъ закупомъ право полной собственности - закупъ становился холопомъ. Впрочемъ законъ предоставляетъ хозяину закупа право, не платя на передъ причиненнаго имъ убытка, продать его, какъ раба, и удовлетворивъ изъ вырученныхъ за продажу денегъ владѣльца украденной вещи, остальное взять себѣ, въ воз-

награжденіе за деньги, которыя онъ, по выраженію закона, <u>запустилъ</u> за закупа. Было ли это вознагражденіе достаточнымъ для господина закупа, или нѣтъ, объ этомъ уже законъ не заботится; довольно того, что онъ позаботился о томъ, чтобы равно хозяинъ украденной вещи, какъ и владѣлецъ закупа, по возможности были удовлетворены.

Не лишнимъ считаю присовокупить здѣсь, что правила, опредѣляющія взаимныя отношенія господъ и слугъ, не чужды также законодательствамъ другихъ Славянскихъ народовъ и что правила эти представляютъ довольно много общаго между собою, въ особенности во всѣхъ проглядываетъ желаніе закона быть по отношенію къ обѣимъ сторонамъ равно безпристрастнымъ и справедливымъ. Въ доказательство этого Раковецкій приводитъ цѣлый рядъ постановленій Права Чешскаго, Короля Владислава,

также Статута Вислицкаго, Казиміра В., и наконецъ, Статута Литовскаго.[94] Ближайшее сходство со статьею Правды о закупѣ совершившемъ кражу, имѣетъ постановленіе Вислицкаго Статута: „Si famulus alicujus, dictus „Gołota (дословно - голышъ, бѣднякъ), aut alias Ob„łomek (обломокъ - какъ бы ничтожная часть общественнаго союза), vicino Domini sui aut „alieni damnum intulerit, aut injuriatus fuit, „Dominus ipsius pro ipso satisfacere teneatur."[95]

Если древнѣйшій памятникъ Русскаго Законодательства заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, особенныя правила о кражѣ совершенной холопами, то, съ другой, онъ не могъ также не обратить вниманія на то, что холопы, какъ собственность частныхъ лицъ, могли въ свою очередь быть предметомъ похищенія, увода и

(94) Rakowiecki, Pr. R. T. 2. стр. 83 и 84, прим. (u)

(95) Vol. Legum, T. 1, fol. 26; у Раковецкаго, тамъ же стр. 85, прим. (w).

другихъ видовъ противозаконнаго завладѣнія. Такъ какъ при томъ холопы составляли конечно одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ частной собственности, то законодательство должно было позаботиться объ установленіи точнѣйшихъ мѣръ для обезпеченія спокойнаго ими владѣнія. Мѣры эти дѣйствительно опредѣлены были, въ особенности въ тѣхъ статьяхъ Правды, которыя установляютъ порядокъ отысканія и возвращенія вещей опознанныхъ настоящимъ ихъ хозяиномъ въ чужихъ рукахъ. Объ этихъ статьяхъ буду имѣть случай говорить нѣсколько ниже; здѣсь считаю необходимымъ указать только на одну статью, въ которой прямо говорится о кражѣ или уводѣ чужаго раба и о пенѣ за такое противозаконное имъ завладѣніе. Она имѣетъ два различныя чтенія:

ст. CVII.

а, /: по 1-му списку:/

„А оже уведеть чюжь холопъ, любо робу, пла-
„тити ему за обиду 12 гривнъ."

в, /: по большинству списковъ:/

„А князю продажe 12 гривне въ челядинѣ,
„или украденъ или уведенъ есть."

Отсюда видно что за уводъ и кражу холопа, или рабы, постановлена была пеня равная той, какой подвергался виновный съ кражею бобра.

Изъ всего, что до сего времени сказано было о похищении чужой собственности, легко убѣдиться, что древнее Русское законодательство выказало необыкновенную заботливость въ изысканіи мѣръ для огражденія имущества частныхъ лицъ отъ этого рода противозаконныхъ дѣйствій. Но оно не ограничилось указаніями на пени, которыя виновный обязанъ былъ платить въ пользу Князя, и на мѣру вознагражденія частныхъ лицъ за понесенный ими убытокъ;

оно еще предоставило пострадавшимъ всѣ способы для отысканія принадлежащаго имъ имущества, но, по тому или другому случаю, находящагося въ чужихъ рукахъ. Способы эти опредѣляются въ слѣдующихъ статьяхъ Правды:

ст. CXXIII.

а, /: по большинству списковъ:/

„Аще кто конь погубитъ или оружіе, или „портъ, а заповѣсть и на торгу, а послѣди по-„знаетъ въ своемъ городѣ, и свое ему лицемъ взя-„ти, а за обиду платити ему 3 гривны."

б, /: по 1 списку:/

„Аще поиметъ кто чюжь конь, любо ору-„жіе, любо портъ, а познаетъ въ своемъ миру, „то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду."

ст. CXXV.

„Аже кто познаетъ свое, что будетъ погу-„билъ, или украдено у него что, или конь, „или портъ, или скотина, то не рьци ему:

"а се мое, но: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ.(96) Сведися, и кто будетъ виноватъ, на того татба снидеть. Тогда онъ свое възметь, а оже что будеть съ нимь погыбло, тойже начнеть ему платити."

ст. CXXVI.

"А оже будеть въ одиномь городѣ, то ити истцю, до конца того свода; будеть ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода, а что будеть лицемь, то третьему платити кунами за лице, а съ лицемь ити до конца свода, а истьцю ждати прока. А гдѣ снидеть на конечьнаго, то тому все платити, и продаж

ст. CXXVIII.

"А изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтуть, нъ такожде(97) вывести ему послухы, любо мытника, передъ кымь же купивше; то

(96). Въ 1 спискѣ, посл. словъ: гдѣ еси взялъ прибавлено: или не поидеть, то поручника за пять днии."

(97). Въ нѣкоторыхъ спискахъ тамъ-же.

„истьцую лицемъ взяти, а прока ему желѣти,
„что съ нимъ погыбло, а оному своихъ кунъ же-
„лѣти, дондеже налѣзетъ."

ст. CXXIV.

„Аже челядинъ съкрыеться, а закличють
„и на търгу, а за три дни не выведуть его, а по-
„знаетъ и въ третий день; то свой челядинъ по-
„яти, а оному платити 3 гривны продажѣ."

ст. CXXVII.

„Аже кто познаетъ челядинъ свой украденъ, а пои-
„меть и, то оному вести и по кунамъ (98), до
„третьяго свода: пояти же челядинъ въ челяди-
„на мѣсто, а оному же дати лицемъ, отъ и-
„деть и до конечьняго свода; а то есть не ско-
„тъ нельзѣ рѣчи: не вѣмь у кого есмь купилъ, но по
„языку ити до конча свода, а кдѣ будетъ ко-
„нечний татъ, то опять воротить челядина,

(98) Эверсъ думаетъ, что надобно читать: по конамъ или по концамъ, т.е. по частямъ города. (das ält. R. d. R. S. 339. Anm. 22.)

„а свой поиметъ, и проторъ тому же платити.“

Прежде всего нужнымъ считаю замѣтить, что Г. Калачовъ, говоря о процессѣ въ дѣлахъ по воровству, высказалъ слѣдующее о немъ мнѣніе: „Когда хозяинъ пропавшей вещи или скрывшагося челядина объявитъ немедленно объ этой пропажѣ во всеобщее свѣдѣніе на торгу, то, по отысканіи ея въ чужомъ владѣніи, имѣетъ право взять предметъ иска, у кого нашелъ, безъ всякихъ судебныхъ формъ, потому что послѣдній предполагается воромъ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ и обязанъ заплатить хозяину за обиду, а князю продажу. Напротивъ, когда хозяинъ пропавшей вещи или челядина не объявитъ о томъ предварительно на торгу, онъ долженъ, для возвращенія ея въ свое владѣніе, отыскать дѣйствительнаго или предполагаемаго закономъ вора. Но чтобъ установить этотъ искъ, хозяину необходимо найти въ чужихъ рукахъ пропавшую у него

вещь или челядина; тогда онъ обращается къ ихъ незаконному владѣльцу, но не можетъ взять ихъ у него прямо, а долженъ жать его на сводъ.[99] И такъ, Г. Калачовъ думаетъ, что сводъ, или хожденіе истца отъ одного отвѣтчика къ другому, тогда только былъ употребляемъ, когда хозяинъ пропавшей вещи не объявилъ на торгу о своей пропажѣ, если же онъ это сдѣлалъ, то могъ взять ее, у кого находилъ, безъ всякихъ судебныхъ формъ. — Какой же хозяинъ послѣ того не позаботился бы о томъ, чтобы кликнувъ кличъ на торгу, избавиться отъ хожденія по своду и имѣть право отнять вещь свою у каждаго, какъ скоро опознаетъ ее? — Ученый Эверсъ дѣлаетъ другое предположеніе.[100] Онъ думаетъ также, что хозяинъ пропавшей вещи, опознавъ ее въ чужихъ рукахъ, имѣлъ право взять ее безъ дальнихъ околичностей

(99) Калачова, Изсл. о Русск. Пр. стр. 128 и 129.

(100) Das ält. R. d. R. S. 279 ff.

(ohne weitere Umstände), какъ скоро не настояло сомнѣнія, что эта вещь есть дѣйствительно его собственная, или когда тотъ, у кого она была находима, не обнаруживалъ притязаній на законное владѣніе ею. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ надобно было прибѣгнуть къ своду. Но, часто ли могло случаться, чтобы тотъ у кого находима была чужая вещь, соглашался безъ дальнихъ околичностей отдать ее и не старался, напротивъ, доказать, что она пріобрѣтена имъ законнымъ образомъ; тѣмъ болѣе что, отдавая вещь безспорно, онъ какъ бы самъ себя признавалъ воромъ и обязанъ былъ заплатить довольно значительную пеню? Конечно нѣтъ. Принявъ предположеніе Г. Калачова, мы должны прійти къ заключенію, что къ своду прибѣгали очень рѣдко, быть можетъ даже никогда. Напротивъ, допустивъ что мнѣніе Эверса справедливо, надобно будетъ остановиться на мысли, что хозяинъ пропавшей

вещи, весьма рѣдко могъ получить ее обратно безъ дальнѣйшихъ околичностей - безъ употребленія свода. Равно Эверсъ какъ и Г. Калачовъ обнаруживаютъ мнѣніе, что хозяинъ отыскивающій вещь свою, могъ самоуправствомъ получить ее отъ того, въ чьихъ рукахъ она находилась, и полагаютъ что это было очень натурально въ тогдашнемъ положеніи общества. Съ этимъ мнѣніемъ я не могу согласиться, тѣмъ болѣе что постановленія Русской Правды, опредѣляющія порядокъ отысканія пропавшихъ вещей, по моему убѣжденію, ни сколько не предоставляютъ произвола и самоуправства хозяину этихъ вещей, а напротивъ, положительно предписываютъ ему соблюденіе извѣстныхъ формальностей. Въ этомъ, мнѣ кажется, довольно легко убѣдиться, разсматривая внимательно текстъ приведенныхъ статей Правды, именно въ томъ порядкѣ въ какомъ онѣ мною

прописаны.

Въ первой изъ этихъ статей (CLXIII), представленной въ двухъ заключительныхъ варіантахъ, которые могутъ быть даже приняты за два отдѣльныя постановленія, опредѣляется что тотъ, у кого пропала лошадь, оружіе или платье, или у кого они были украдены, долженъ объявить о томъ на торгу, а если въ послѣдствіи времени онъ опознаетъ ихъ въ своемъ городѣ или своемъ міру у кого нибудь, то можетъ взять собственность свою лицемъ и доправить еще 3 гривны за причиненную ему обиду. Эта то статья подала поводъ Эверсу и Калачову думать, что хозяинъ пропавшей вещи, могъ отнять ее у каждаго безъ дальнихъ околичностей или формальностей. Конечно, если бы въ Правдѣ не было еще другихъ постановленій, касающихся этагоже предмета, то надобно было бы согласиться съ мнѣніемъ этихъ ученыхъ. Но, ежели эта статья нашего памятни-

ка предоставляетъ хозяину пропавшей, или украденной вещи право взять ее обратно, то вслѣдъ за тѣмъ, она также опредѣляетъ, какимъ именно образомъ онъ можетъ получить ее, устраняя мысль о самоуправствѣ, которое, равно въ быту общественномъ, какъ и въ такъ называемомъ, естественномъ состояніи (im Naturstande),[101] вело бы необходимо къ враждѣ, дракѣ или войнѣ. И дѣйствительно мы видимъ, что статья CXXV говоритъ положительно хозяину, отыскивающему свою собственность: если ты опознаешь у кого что нибудь у тебя украденное или пропавшее, то не скажи ему: это мое, но скажи ему: пойди на сводъ укажи гдѣ ты пріобрѣлъ вещь, которую я нахожу у тебя и которая принадлежитъ мнѣ. Ежели тотъ, у кого опознана вещь, не можетъ сейчасъ же удовлетворить требованію истца, если что нибудь препятствуетъ ему немедленно отправиться на –

(101) Ewers, d. ält. R. d. R. S. 292.

сводъ, то онъ можетъ потребовать себѣ отсрочки на 5 дней, давъ по себѣ поручителей въ томъ, что по истеченіи сего срока, онъ пойдетъ отыскивать того, отъ кого онъ пріобрѣлъ опознанную у него вещь. Справедливо замѣчаетъ Эверсъ, что въ этомъ постановленіи положено начало законнымъ срокамъ, въ послѣдствіи времени столь разнообразнымъ и многочисленнымъ.(102) Далѣе гласитъ та же статья: Сведитесь (т.е. ходите отъ одного пріобрѣтателя къ другому) а кто окажется виновнымъ (т.е. не будетъ въ состояніи доказать что онъ законнымъ образомъ пріобрѣлъ вещь отъ другаго), то на того татьба снидетъ (т.е. тотъ будетъ признанъ воромъ, хотя бы дѣйствительно и не онъ укралъ вещь). Послѣ того первый истецъ возметъ вещь свою лицемъ, а если вмѣстѣ съ нею еще что нибудь пропало, то и за остальное долженъ будетъ заплатить тотъ, кто не могъ доказать законнаго —

(102) Das ält. R. d. R. S. 282 и 283.

пріобрѣтенія отыскиваемой вещи.

Гдѣ же тутъ самоуправство? Я по крайней мѣрѣ не вижу его и радуюсь за древнѣйшій памятникъ Рускаго Законодательства, что онъ умѣлъ устранить его, не смотря на то, что власть общественная не принимала еще никакого почти участія въ разбирательствѣ исковъ объ имуществѣ[103] и предоставляла все самимъ тяжущимся, при участіи только добрыхъ людей своего города или округа.

Сводъ, или хожденіе отъ одного пріобрѣтателя къ другому, подверженъ былъ извѣстнымъ ограниченіямъ, для пользы хозяина отыскивающаго пропавшую у него вещь. Такъ ст. CXXVI установиленъ, что ежели всѣ пріобрѣтатели

(103). За исключеніемъ тяжбъ о раздѣлѣ наслѣдства между братьями, на что указываетъ ст. CXLIII „А же братья ростяжутся „передъ Княземъ о задницю, то который дѣтьскый идетъ ихъ „дѣлитъ, то тому взяти собѣ гривна кунъ."

были въ самомъ (одномъ) городѣ, то истецъ долженъ былъ ходить до конца свода (т. е. покуда не отыскался тотъ, кто не могъ уже вести далѣе, не въ состояніи будучи указать на того, отъ кого онъ пріобрѣлъ спорную вещь). Но ежели приходилось дѣлать сводъ по землямъ (т. е. внѣ городской черты — въ земствѣ[104]), то истецъ обязанъ былъ ходить самъ только до третьяго свода (т. е. до 3го пріобрѣтателя), послѣ чего онъ получалъ деньгами (кунами) плату за свою вещь, которая, какъ поличное, оставалась въ рукахъ третьяго пріобрѣтателя. Послѣдній долженъ былъ отправиться отыскивать того, у кого онъ купилъ вещь, а настоящій хозяинъ, получивъ цѣну ея, долженъ былъ покуда удоволь-

(104) Сравн. Раковецкаго Пр. Р. Т. 2. стр. 139. примѣч. 51. — Въ Россіи и теперь еще, въ извѣстныхъ случаяхъ, различается городское вѣдомство отъ земскаго.

ствоваться этимъ, хотя бы кромѣ того еще что нибудь вмѣстѣ съ этоюже вещью у него пропало, за чтобы онъ имѣлъ право требовать себѣ вознагражденія. Когдаже отыщется послѣдній пріобрѣтатель, не могущій доказать законности пріобрѣтенія, то сей обязанъ былъ заплатить за все и кромѣ того пеню или продажу.- Далѣе въ ст. CXXVIII указывается на тотъ случай, когда бы надобно было искать не законнаго владѣльца, внѣ опредѣленнаго вѣдомства, *въ чужой землѣ*. Но, по словамъ закона, въ чужой землѣ свода быть не должно; по этому тотъ, на комъ остановился сводъ *въ своей землѣ*, ежели онъ хотѣлъ избавиться отъ платы за все пропавшее вмѣстѣ съ отыскиваемою вещью и отъ пени, долженъ былъ представить свидѣтелей или мытника, въ присутствіи которыхъ онъ купилъ вещь. Послѣ сего законный хозяинъ вещи получалъ ее обратно, но о прочемъ, вмѣстѣ

съ нею пропавшимъ; онъ могъ только жалѣть (а прока ему жалѣти), точно такъже какъ и тотъ, на комъ сводъ остановился; могъ только жалѣть о своихъ деньгахъ, заплаченныхъ имъ за отнятую у него вещь, по крайней мѣрѣ покуда не представится ему случай отыскать того, у кого самъ онъ вещь эту купилъ.

На подобный же случай указываетъ еще правило о купли краденныхъ вещей, изображенное въ ст. VIII.

„Паки ли будетъ что татебное купилъ въ „торгу — или конь, или портъ, или скотину — „то выведетъ свободна мужа два, или мытни„ка; аже начьнетъ не знаючи у кого купилъ, то „ити по немъ тѣмъ видокомъ на роту. А „истцю свое лицемь взяти, а что съ нимъ по„гыбло, того ему желѣти, а оному желѣти „своихъ кунъ, зане не знаетъ у кого купивъ; „а познаетъ ли и на долзѣ у кого то купивъ,

„то свое куны възметь, и ему платити что
„у него будеть погыбло, а князю продажю."

Изъ этой статьи видимъ, что свидѣтели, представляемые тѣмъ кто желалъ избавиться отъ платежа пени, опредѣленной за не правильное присвоеніе чужой собственности, должны были дать присягу (итти на роту) въ томъ, что они дѣйствительно присутствовали при совершеніи купли. Г. Калачовъ, на основаніи этойже статьи, полагаетъ, что договоръ купли-продажи, для того чтобы онъ имѣлъ юридическое значеніе, всегда долженъ быть совершаемъ и приводимъ въ исполненіе въ присутствіи 2 свидѣтелей и мытника.[105] Нельзя ли предположить скорѣе, что покупщикъ тогда только долженъ былъ, для собственнаго спокойствія <u>выводить</u> 2 свидѣтелей, или мытника, когда онъ имѣлъ поводъ подозрѣвать, что продаваемая ему вещь есть краденная?

(105) Калачова. Изслѣд. о Русск. Пр., стр. 83.

Мнѣ кажется что это предположеніе болѣе сообразно съ духомъ того времени и того довѣрчивостію, которая проглядываетъ во многихъ постановленіяхъ разсматриваемаго нами памятника.

Мы видѣли каковы были общія постановленія о способахъ отысканія утраченной или украденной вещи; нельзя не удивляться ихъ ясности, полнотѣ и стройности. Но подобно тому какъ и въ другихъ случаяхъ, и здѣсь также, рядомъ съ общими правилами, находятся еще особенныя опредѣленія объ отысканіи нѣкоторыхъ, такъ сказать, привиллегированныхъ предметовъ собственности, именно украденныхъ или скрывшихся рабовъ. Впрочемъ эти особенныя опредѣленія не многимъ разнятся отъ общихъ разсмотрѣнныхъ уже правилъ.

Изъ словъ CXXIV статьи видимъ, что хозя-

имъ скрывшагося челядина объявлялъ о томъ на торгу, также какъ и о другой пропажѣ. — Послѣ такого объявленія, которое, будучи сдѣлано на торгу, считалось довольно гласнымъ, тотъ у кого находился скрывшійся рабъ, обязанъ былъ <u>вывести его</u> въ теченіе трехъ дней (т.е., по моему мнѣнію, отвести его къ господину его); если же онъ этаго не сдѣлалъ, а по истеченіи трехъ дней хозяинъ раба опознаетъ его, то виновный не только долженъ былъ отдать раба, но еще заплатить и 3 гривны пени.(106) Впрочемъ и здѣсь также имѣетъ мѣсто сводъ, въ томъ случаѣ, когда бы опознанный рабъ попалъ къ послѣднему владѣльцу, <u>по одному</u> изъ законныхъ способовъ пріобрѣтенія.

(106) Эверсъ думаетъ напротивъ, что тотъ у кого скрывался рабъ обязанъ былъ только выпроводить его изъ своего дома. (Das ält. R. d. R. S. 285 u. 286, nota 24). Надѣюсь однако найти подтвержденіе моему мнѣнію въ нѣкоторыхъ другихъ постановленіяхъ Правды, о которыхъ буду сейчасъ говорить.

На это указываетъ именно ст. CXXVI, въ которой заключаются особыя правила о *сводѣ* при отысканіи рабовъ. По смыслу этой статьи, тотъ у кого найденъ былъ бѣжавшій или украденный рабъ, долженъ былъ вести истца, по частямъ города, или *концамъ*, до третьяго свода. Дошедши до третьяго пріобрѣтателя, хотя бы и другіе были въ томъ же городѣ, хозяинъ отыскиваемаго раба освобождался уже отъ дальнѣйшаго хожденія, и не дожидаясь окончательной развязки, получалъ отъ третьяго пріобрѣтателя одного изъ его рабовъ, на мѣсто своего собственнаго, который оставался, какъ живое поличное, у того, кто долженъ былъ продолжать сводъ. Такъ какъ, говоритъ весьма раціонально законъ, рабъ не есть животное безсловесное, то и нельзя покончить дѣла, отзываясь невѣдѣніемъ у кого онъ купленъ (*не вѣмь у кого есмь купилъ*); напротивъ, надобно *по языку* (т. е. по указанію самаго раба) отыскивать окончатель-

наго татя (т. е. того, кто действительно укралъ раба, или кто, скрывъ его у себя, несмотря на сдѣланное о пропажѣ объявленіе, не возвратилъ его хозяину и продалъ его какъ свою собственность другому). Этотъ окончательный тать долженъ былъ, разумѣется, заплатить опредѣленную пеню и, кромѣ того, протори, т. е. убытки отъ самаго производства дѣла происшедшіе.(107) Украденный или бѣглый рабъ возвращался къ хозяину, который, въ свою очередь, долженъ былъ отдать третьему пріобрѣтателю того раба, котораго онъ взялъ у него, для временнаго пользованія его услугами, въ замѣнъ своего собственнаго.

Въ непосредственной связи съ постановленіями сейчасъ разсмотрѣнными состоятъ еще нѣкоторыя статьи Правды, имѣющія въ виду обезпеченіе возврата рабовъ къ законному ихъ владѣльцу. Сюда именно относятся:

(107) Это есть первый намекъ на вознагражденіе судебныхъ издержекъ.

ст. LX.

„Аже кто кърнеть (купитъ) чюжь холопъ, „а не вѣдая, то первому господину холопъ поя„ти, а оному куны имати, ротѣ ходивше, яко „не вѣдая есмь купилъ; вѣдая ли будеть купилъ, „то кунъ ему лишену быти."

ст. LII.

„Аже ли холопъ бѣжить, а заповѣсть его „господинъ, аже слышавъ кто, или зная, или „вѣдая, оже есть холопъ и дасть ему хлѣба или „укажеть ему путь, то платити ему за хо„лопъ 5 гривенъ кунъ, а за робу 6 гривенъ кунъ."

ст. LIII.

„Аже ли кто не вѣдая чюжь холопъ усря„_щеть_, или _повѣсти дѣеть_ (108), любо держить

(108) Эверсъ переводитъ это непонятное для меня выраженіе словами: или подастъ ему вѣсть. Если бы можно было вмѣсто _повѣсти дѣеть_ поставить _повѣсти даеть_, то смыслъ былъ бы совершенно ясенъ.

„и у себе, а отъидеть отъ него, то ити ему къ ро-
„ту, яко не вѣдалъ есмь оже есть холопъ и бѣгаетъ,
„а платежа ему въ томъ нѣтуть."

ст. LIV.

„Аже кто перейметь чюжь холопъ или
„робу и дасть вѣсть господину его, то има-
„ти ему переемъ гривна кунъ; не ублюдетьли
„холопа, то платити ему 4 гривны кунъ за хо-
„лопъ, а пятая ему переема; оже ли будеть
„роба, то дати ему 5 гривенъ, а шестая на
„переемъ отходитъ ему.

ст. LVII.

„Оже холопъ бѣгая добудеть товару, то го-
„сподину же и холопъ, и долги, господину же и
„товаръ, а не мшатися его."

Первая изъ приведенныхъ статей гласитъ,
что тотъ, кто купитъ чужаго холопа, не зная
о томъ что онъ чужой, долженъ отдать его на-
стоящему хозяину, а доказавъ невѣдѣніе свое при-

сягою, имѣетъ въ свою очередь право требовать заплаченныхъ имъ денегъ отъ того, у кого онъ купилъ чужаго раба. Еслижe покупщикъ зналъ что онъ покупаетъ чужаго раба, то онъ лишался своихъ денегъ, но этимъ кажется и ограничивалась его отвѣтственность, опредѣленной особою пенею. Вѣроятно долженъ былъ во всякомъ случаѣ платить тотъ, кто продалъ завѣдомо чужаго раба. Достойно замѣчанія, что покупщикъ чужаго холопа могъ очистить себя личною присягою, между тѣмъ какъ покупщикъ другихъ краденыхъ вещей (109) долженъ былъ вести къ присягѣ двухъ свободныхъ свидѣтелей или мытника. Кажется это можно объяснить тѣмъ, что холопъ, о покупкѣ котораго шло дѣло, могъ самъ засвидѣтельствовать незнаніе того кто купилъ его.

Слѣдующія за симъ три статьи: LII, LIII и LIV, составляютъ какъ бы одно отдѣльное по-

(109) Сравн. выше, замѣчаніе на ст. VIII.

становленіе, опредѣляющее правила о побѣгѣ рабовъ и возвращеніи ихъ хозяину. Смыслъ этихъ правилъ есть тотъ, что когда кто объявитъ о побѣгѣ холопа, то никто, зная и вѣдая что холопъ есть бѣглый, не долженъ держать его у себя, давать ему пищу, или указывать путь къ дальнѣйшему побѣгу.(110) Въ противномъ случаѣ виновный обязанъ будетъ заплатить хозяину такую же сумму, какъ и за убійство раба, т. е. за холопа 5, а за рабу 6 гривенъ.(111) Впрочемъ и въ этомъ случаѣ обвиняемый могъ очистить себя присягою въ томъ, что онъ не зная встрѣ-

(110) Въ этомъ именно я вижу опроверженіе предположенія Эверса, что тотъ у кого находится чужой рабъ, могъ удовольствоваться тѣмъ чтобы вывесть его изъ своего дома. Это значило бы почти тоже что показать ему дорогу. Здѣсь также нахожу я подтвержденіе моему предположенію, что бѣглаго раба надобно было отвести къ его хозяину.

(111) Ср. ст. LXXXII и LXXXIV.

тилъ, накормилъ и держалъ у себя чужаго раба; тогда онъ освобождался отъ всякой платы.

Съ другой стороны опредѣлено было, что тотъ кто принялъ чужаго бѣглаго раба и далъ о томъ знать его господину, получалъ въ вознагражденіе гривну (за переемъ); но ежели перенявшій не сумѣлъ уберечь бѣглаго холопа и тотъ опять бѣжалъ, то онъ подвергался такому же взысканію какъ за поноровку и помощь оказанныя завѣдомо бѣглому рабу, за вычетомъ только слѣдовавшей ему переимочной гривны, т.е. онъ платилъ за холопа 4, а за рабу 5 гривенъ.- Не лучше ли было, для избѣжанія столь строгаго взысканія, отвести бѣглаго раба къ его настоящему владѣльцу и получить съ него гривну переима?

Послѣдняя, наконецъ, изъ прописанныхъ статей (LVIII) содержитъ постановленіе, которымъ хозяину бѣглаго раба не только предоставлено было право получить его обратно, но

вмѣстѣ съ тѣмъ взять и все имъ пріобрѣтенное во время бѣговъ. Впрочемъ, изъ словъ: господину же и долги.... а не лишатися его, можно предполагать, что этотъ же хозяинъ обязанъ былъ заплатить и долги, сдѣланные бѣгавшимъ рабомъ его.-

---

Кромѣ разсмотрѣннаго уже способа отысканія утраченной тѣмъ или другимъ образомъ собственности, кромѣ такъ называемаго свода; одна изъ статей Русской Правды содержитъ еще указаніе и на другой способъ, который могъ быть употребленъ тогда, когда не было возможности сдѣлать сводъ. Для того чтобы установить сводъ, надобно было хозяину утраченной или украденной вещи опознать ее въ чужихъ рукахъ - найти ее лицемъ. Но утратившій какую либо вещь - была ли она у него украдена, или просто потерялась, не всегда и не вдругъ могъ увидѣть ее въ чужомъ владѣніи. Между тѣмъ

могли остаться какіе нибудь признаки, или слѣды, идя по которымъ, представлялась возможность къ отысканію пропажи. Законъ, заботясь о томъ чтобы каждый владѣлъ и пользовался вещію ему принадлежащею, не только предоставляетъ хозяину утраченной, и въ особенности украденной вещи право гнать по слѣду, для отысканія ее; но еще возлагаетъ въ извѣстной мѣрѣ обязанность принять въ этомъ участіе и на постороннихъ людей, которые, если этаго не захотятъ сдѣлать, то могутъ даже подвергнуться опредѣленной отвѣтственности. На это указываетъ именно

ст. CXX.

„А не будеть ли татя, то по слѣду женуть.

„Аже ли будетъ слѣдъ (112) или къ селу или къ товару (113)

(112) Въ нѣкоторыхъ спискахъ, вмѣсто аже ли будетъ слѣдъ, читаемъ: не будеть ли слѣда; но, примемъ ли то или другое чтеніе, смыслъ будетъ одинъ и тотъ же.—

(113) Эверсъ переводитъ это слово словомъ Waare (имущество,

„а не отсочатъ отъ себе слѣда и не идутъ на слѣдъ, „или отобіютъся, тъ тѣмъ платити и татьбу и продажю, а слѣдъ гнати съ чужими людьми и послухы. А еже погубять слѣдъ на *гостинци* (114) на велицѣ, а села не будеть, или на пустѣ, „*кдѣ же не будеть* ни села, ни людіи, то не плати-

шаніе- das ält. R. d. R. S. 331), Раковецкій словомъ *таборъ* (tabor- Pr. R. T. 2. стр. 93 и 143, прим. 69.). Послѣдній переводъ мнѣ кажется удачнѣе. Хотя конечно словомъ *товаръ* очень часто въ Русской Правдѣ обозначается имущество движимое, но оно могло имѣть и другое значеніе, именно такое же, какое имѣетъ и въ настоящее время въ Малороссіи. Тамъ *товаромъ* называется домашній скотъ, преимущественно рогатый, иногда однако этимъ же словомъ, въ особенности во множественномъ числѣ, обозначаются предметы торговли, такъ напр. говорится: *купецъ пріѣхавъ съ товарами, или съ товаромъ*. Извѣстно также что въ степныхъ мѣстахъ южно-русскихъ губерній выкармливаются огромныя стада рогатаго скота (товара), для чего обыкновенно люди, занимающіеся этимъ дѣломъ- *пастухи*, удаляясь во внутренность степи, устраиваютъ тамъ на цѣлое лѣто временное для себя и для скота помѣщеніе, или *таборъ*. Конечно тоже самое бывало и въ старину. И такъ можно думать, что выраженіе: *аже ли будеть слѣдъ или къ селу или къ товару*, значитъ: *будетъ ли слѣдъ вести къ селу или къ тому мѣсту, гдѣ пасется товаръ*, т.е. къ пастушескому табору.

(114) Нѣтъ сомнѣнія что слово *гостинецъ* значитъ тоже что польское gościniec, т.е. большую дорогу (wielki gościniec), а не постоялый дворъ, гостинницу, какъ думали нѣкоторые. (Ср. Раков. Pr. R. T. 2. стр. 143, прим. 71.- Ewers, d. ält. R. d. R. S. 340, Anm. 29).

„ти ни продажѣ, ни татьбы."

Смыслъ этого постановленія есть тотъ, что когда воръ неизвѣстенъ, то хозяинъ украденной вещи долженъ отыскивать его по имѣющимся слѣдамъ, въ сопровожденіи свидѣтелей и стороннихъ людей. Если же слѣдъ приведетъ къ селу или къ пастушескому табору, то люди, къ жилью которыхъ слѣдъ привелъ, обязаны были отвести его отъ себя, показавъ хозяину отыскивающему вещь свою, что слѣдъ ведетъ дальше и вмѣстѣ съ нимъ отправиться по этому слѣду отыскивать вора. Если же люди, къ жилью которыхъ слѣдъ привелъ не отведутъ его отъ себя, не захотятъ идти на слѣдъ, или станутъ насильственно отъ него отбиваться, то должны будутъ заплатить хозяину украденной вещи цѣну ея, а Князю продажу. Между тѣмъ отыскивающій вещь свою гонитъ слѣдъ далѣе съ чужими людьми и съ послухами. Но если бы вмѣстѣ съ нимъ отправились отыс-

кивать вора и тѣ люди, къ жилью которыхъ слѣдъ первоначально привелъ, и если бы оказалось что слѣдъ пропадалъ на большой дорогѣ, или на пустомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни села, ни людей, то они освобождались уже отъ всякой отвѣтственности.

Въ связи съ этимъ постановленіемъ состоитъ то, на которое я уже имѣлъ случай указать выше, именно о ловлѣ въ чужихъ гачахъ (ст. CXXIX). Хотя разсмотрѣнное правило о слѣдѣ, потому что оно въ нѣкоторыхъ спискахъ помѣщено непосредственно послѣ статьи о бобрѣ и разломанной борти,[115] можетъ подать поводъ думать, что оно относилось къ этимъ только случаямъ; гораздо однако натуральнѣе предположить, что это соединеніе двухъ различныхъ статей, подобно

(115) Сравн. въ изданіяхъ: Раковецкаго Pr. R., Т. 2., стр. 92–94; Эверса (Переводъ Платонова) стр. 405 и 406.

тому какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, произошло отъ невѣдѣнія позднѣйшихъ переписчиковъ, и что постановленіе <u>о слѣдѣ</u> могло имѣть общее примѣненіе во всѣхъ случаяхъ, когда надобно было отыскивать неизвѣстнаго вора. Кажется что <u>гнать по слѣду</u> было древнѣйшимъ, кореннымъ обычаемъ у Славянъ вообще и что обычай этотъ нашелъ для себя выраженіе въ ихъ законодательствахъ. Такъ въ древнѣйшемъ сборникѣ Польскаго законодательства, именно въ Статутѣ Вислицкомъ, Казиміра В., находится постановленіе,(116) что ежели кто ночью станетъ звать сосѣдей чтобы они помогли ему <u>гнать по слѣдамъ</u> вора, укравшаго лошадь, и ежели они откажутся дать требуемую помощь, то обязаны будутъ заплатить цѣну украденной лошади хозяину ея. Гораздо замѣчательнѣе по-

(116) Volumina Legum, T. 1, fol. 23; у Раков. Pr. R. Т. 2., стр. 94.

становленія о слѣдѣ, встрѣчаемыя въ Статутѣ Литовскомъ, именно въ томъ отношеніи, что статья Русской Правды объ этомъ же предметѣ, вошла въ нихъ, можно сказать, цѣликомъ и только распространена нѣкоторыми позднѣйшими дополненіями. Не лишнимъ считаю привести эти постановленія въ переводѣ на Русскій языкъ.

„Если бы украдены были лошади, волы, скотъ и другія вещи, въ домѣ или другомъ какомъ нибудь мѣстѣ, а потерпѣвшій убытокъ нашелъ бы слѣдъ своей пропажи, то, собравъ добрыхъ людей, окольныхъ сосѣдей, имѣетъ онъ, по древнему обычаю, гнать слѣдъ. Если бы слѣдъ этотъ привелъ къ селу или чьему либо дому, тогда отыскивающій вещь свою долженъ послать туда стороннихъ добрыхъ людей, заслуживающихъ довѣріе съ тѣмъ, чтобы люди, къ жилью которыхъ слѣдъ привелъ,

приняли его, такъ сказать, отъ тѣхъ, которые его знали (a tej kopy wziąć) и отвели его отъ своего села, дома или земли до сосѣдней межи, куда слѣдъ пойдетъ. Если же люди того села, куда слѣдъ привелъ, отъ себя его не отведутъ, или отобьютъ отъ слѣда тѣхъ которые его знали, или же выгнавъ скотъ затопчутъ слѣдъ; тогда тѣ люди (ta kopa), которые слѣдъ знали, должны остановиться на томъ мѣстѣ, откуда слѣдъ не былъ отведенъ далѣе, или на которомъ отъ слѣда отбивали, призвать возьнаго (судебнаго служителя) и вмѣстѣ съ нимъ оцѣнить потерю хозяина, отыскивающаго вещь свою. Потерпѣвшій убытокъ (szkodnik) долженъ самъ-третей (т. е. съ двумя свидѣтелями) дать присягу въ томъ, что онъ дѣйствительно потерялъ его. Послѣ того, то село, которое отъ себя слѣда не отвело, должно заплатить хозяину убытокъ его,

а само отыскивать виновнаго." (117)

Мы имѣли возможность убѣдиться, что постановленія Русской Правды, имѣющія въ виду огражденіе движимаго имущества отъ тайнаго его похищенія довольно многочисленны и обнаруживаютъ особенную заботливость законодателя объ этомъ имуществѣ вообще, и о нѣкоторыхъ предметахъ его, въ особенности. Достойно однакожъ вниманія, что о другихъ видахъ противозаконнаго чужимъ имуществомъ завладѣнія, напримѣръ о насильственномъ завладѣніи, Правда умалчиваетъ совершенно. Нельзя ли объяснить себѣ это молчаніе предположеніемъ, что, по духу того времени, каждое, явно насильственное дѣйствіе со стороны наступающаго, давало право къ такому же насильственному дѣйствію со стороны обо-

(117) Stat. Lit. Rozdz. XIV, Art. 9, §§ 1 и 2.

роняющагося, а это могло имѣть послѣдствіемъ преступленіе, которое ближе касалось особы, нежели имущества частнаго лица – побои, раны, увѣчье и смертоубійство?

О противозаконномъ пользованіи чужою движимою собственностію также ничего почти не говорится, за исключеніемъ одной статьи, которая указываетъ на особенной случай.

ст. LXV.

„А еже кто всядеть на чюжь конь, не „прошавъ, то за то 3 гривны продажи." (118)

И такъ, за то что кто нибудь поѣдетъ на чужомъ конѣ, не просивъ позволенія хозяина, онъ долженъ былъ заплатить такуюже пеню, какъ и за кражу этаго же коня. Это кажется довольно страннымъ. Но странность эта исчезнетъ отчасти, если мы (какъ это

(118) Въ нѣкоторыхъ спискахъ, вмѣсто 3 гривны, читаемъ – гривна, или одна гривна. Срав. изд. Калачава. стр. 122.

уже сдѣлали и многіе другіе),[119] допустимъ что законъ этотъ не есть произведеніе туземное, Русское, но что онъ заимствованъ отъ Норманновъ, у которыхъ, какъ людей по преимуществу военныхъ, конь, эта можетъ быть лучшая половина всадника,[120] могъ имѣть особенную цѣнность, а ѣзда на чужомъ конѣ, безъ дозволенія хозяина, могла считаться важною обидою. – Допустить это мы можемъ, не опасаясь нисколько за самостоятельность древнѣйшаго памятника Русскаго Законодательства, самостоятельность весьма очевидную, а допустить должны потому, что самая редакція приведенной статьи представляетъ не одно случайное сходство съ законами народовъ Германскаго племени.[121] Въ пользу этого гово-

(119) Напр. Струбе, Карамзинъ, Татищевъ и др. Срав. Раков., Ист. Р. П. Т. 2. стр. 57, пр. f.

(120) Такъ думалъ извѣстный генералъ Жомини.

(121) Сравн. текстъ нашей статьи съ постановленіями нѣмец-

ритъ довольно убѣдительно и самое одиночество, отчужденность разсматриваемаго нами постановленія, посреди другихъ статей нашего памятника, которыя, какъ члены одной семьи, носятъ на себѣ признаки фамильнаго сродства, легко группируются и удаляются отъ постановленій случайно въ ихъ кругъ попавшихъ.

Къ разряду разсматриваемыхъ много мѣръ слѣдующими: Leges Francorum Salicae, Tit. XXVII. „Si quis caballum extra consilium domini sui ascenderit, et eum „caballaverit, DC den., qui faciunt sol. XV culpabilis ju„dicetur, et pro eo qui ascenderit, similiter alios XV solidos „solvat." — Leges Ripuariorum, Tit. XV. „Si quis caballum extra consilium domini sui ascenderit, triginta so„lidis culpabilis judicetur." (Leges Francorum Salicae et Ripuariorum, ed. Eccardi, 1720, fol. 51 et 219). Законъ Ютландскій: „Ritt jemand eines andern Mannes Perd, ane des si„nen Willen, denne dat Perd thohöret, de brikt davor dre „Mark an den Bonden." Объ этомъ законѣ Карамзинъ замѣчаетъ, что хотя Ютландское Уложеніе позднѣе Ярославова, но, во всякомъ случаѣ, сходство нѣкоторыхъ постановленій въ обоихъ доказываетъ что какъ то, такъ и другое, образовалось подъ вліяніемъ древнѣйшихъ Скандинавскихъ законовъ. Ист. Гос. Росс. 1 изд. Т. 2. стр. 55 и 362, прим. 91. — Сравн. Раков. Р. Р. Т. 2. стр. 57, прим. f. —

огражденія имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ, принадлежатъ еще нѣкоторыя постановленія Правды, указывающія на случаи уничтоженія и порчи чужаго движимаго имущества.

ст. CI.

„Аще кто пакощами порѣжетъ[122] конь „или скотину, за то продаже 12 гривне, а за „пагубу господину гривна, а урокъ платити."

ст. CII.

„Аже ли кто посѣчетъ верею или перетнетъ вервь въ перевѣсѣ то 3 гривне продаже, „а господину за верею и за вервь гривна кунъ."[123]

(122) Въ нѣкоторыхъ спискахъ зарѣжетъ. Ср. изд. Калач. стр. 118.

(123) Слово верея (по-польски wierzeja) значитъ дверь или ворота; на Малороссійскомъ же нарѣчіи вирья (множ. число) значитъ: жерди, шесты. Слово перевѣсъ или перевѣсь, встрѣчающееся и въ Статутѣ Литовскомъ, означало, какъ можно догадываться, ограду, въ которой хранились домашнія, а можетъ быть и пойманныя дикія птицы подъ сѣтью. Иногда также этимъ словомъ означаемо было мѣсто, гдѣ содержались охотничія собаки, соколы, ястребы и т. д. И такъ, можно кажется статью эту перевесть такъ: „если кто изру-

ст. CIII. (въ двухъ варіантахъ)

а, „Аже кто борть подътнетъ, то 3 грив-
„ны продаже, а за дерево полгривны."

b, „А въ княжь борти 3 гривны, любо-
„пожгуть, любо изъдруть, а въ смерди 2 гривны."

ст. LI.

„А иже изломить копье, любо щитъ, любо
„портъ, а начнетъ хотѣти его держати у
„себе, то пріяти скота (124) у него; а иже естъ
„изломилъ, аще ли начнетъ примѣтати, то
„скотомъ ему заплатити колько далъ бу-
„детъ на немъ."

Вникая въ содержаніе прописанныхъ
статей, мы видимъ, что законъ ясно отли-
чаетъ злонамѣренное (пакостное) истреб-

бить дверь въ перевѣсѣ (т.е. въ птичьемъ дворѣ), или пе-
рерѣжетъ веревку (на которой держится покрывающая огра-
ду перевѣсная сѣть), то долженъ заплатить 3 гривны прода-
жи; а хозяину за дверь и за веревку гривну кунъ." Сравн. Рако-
вецкаго, Р. П. Т. 2. стр. 144, прим. 72.

(124) Скотъ — pecus, pecunia.

леніе и порчу имущества отъ неумышленнаго, а въ слѣдствіе того установляетъ и различныя взысканія, которыя, во всякомъ случаѣ, падаютъ на истребляющаго или портящаго чужую вещь. Главное различіе состоитъ въ томъ, что умышленное истребленіе или порча чужой собственности подвергаютъ виновнаго не только уплатѣ хозяину, потерпѣвшему убытокъ, цѣны истребленныхъ или испорченныхъ вещей, но еще виновный долженъ заплатить тому-же хозяину гривну или полъ гривны (смотря по различію предметовъ) за нанесенную ему обиду и кромѣ того продажу Князю отъ 12 до 3 или 2 гривенъ; между тѣмъ какъ испортившій неумышленно чужія вещи обязанъ только заплатить хозяину ихъ то, чего они ему самому стоили. Такимъ образомъ нарочно зарѣзавшій (а можетъ быть и порѣзавшій только) (125) чужую скоти-

(125) Въ Малороссіи и теперь въ большомъ ходу обычай, что

ну платитъ Князю 12 гривенъ, а хозяину гривну пагубы, да сверхъ того цѣну зарѣзанной скотины. За злостное посѣченіе перевѣсища или перевѣсной верѣвки виновный платитъ 3 гривны пени и гривну хозяину за нанесенный убытокъ. Умышленно подрубившій, пожогшій или ободравшій бортное дерево, платитъ, если борть была княжеская, 3 гривны, если же она принадлежала смерду, 2 гривны пени, да хозяину за самое дерево полъ гривны вознагражденія. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что имущество Князю принадлежавшее имѣло въ глазахъ закона большую цѣнность нежели имущество простолюдина. Здѣсь находимъ опять подтвержденіе этому.

Въ послѣдней изъ приведенныхъ ста-

(хозяинъ въ котораго огородъ или поле повадится ходить чужая скотина, преимущественно свиньи, поймавъ эту скотину подрѣзываетъ ей т. наз. жилки, т. е. сухія жилы на заднихъ ногахъ, отъ чего скотина навсегда остается калѣкою.

щей (41) рѣчь идетъ кажется о предметахъ данныхъ въ ссуду или на подержаніе, именно о конѣ, щитѣ и платьѣ. Тотъ, кому они были ссужены конечно долженъ былъ возвратить ихъ хозяину въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ ихъ получилъ, если же онъ ихъ тѣмъ или другимъ образомъ испортилъ, то могъ оставить ихъ у себя или отдать назадъ хозяину, но въ обоихъ случаяхъ обязанъ былъ заплатить послѣднему цѣну испорченныхъ предметовъ. Надобно впрочемъ сознаться, что различные варіанты этой статьи могутъ подать поводъ къ различному ея толкованію.

Таковы были мѣры огражденія имущества наличнаго. Я бы считалъ изслѣдованіе свое не полнымъ, еслибы не указалъ еще на тѣ постановленія древнѣйшаго памятника Русскаго Законодательства, которыя

имѣютъ въ виду обезпеченіе имуществъ долговыхъ.

Прежде всего Правда объявляетъ, что человѣкъ, который задолжавъ бѣжитъ въ чужую землю, считается лишеннымъ довѣрія, наравнѣ съ воромъ. На это указываетъ именно:

ст. CXVI.

„Аже человѣкъ полгавъ куны у людей, а „побѣжитъ въ чюжую землю, – вѣры ему „не яти, какъ и татю."

Далѣе мы встрѣчаемъ постановленія, опредѣляющія общія правила займовъ, между людьми свободнаго состоянія, и особенныя, для лицъ занимающихся торговлею. Первыя содержатся въ

ст. XLII.

„Аже кто куны дасть въ рѣзъ, или медъ „наставъ, или жито въ присопъ, то послухы „ему наставити; како ся съ нимъ будетъ

„рядилъ, тако же ему и имати."

Содержаніе этой статьи даетъ поводъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Не только деньги (куны, скотъ) но и другія вещи въ особенности произведенія сельскаго хозяйства (медъ, жито) могли быть предметомъ займа. Предметы эти при возвращеніи ихъ заимодавцу, въ опредѣленные сроки, приносили ему извѣстную прибыль или надачу (рѣзъ, наставъ и присопъ). Заемъ долженъ быть совершенъ при свидѣтеляхъ (вѣроятно двухъ), поставляемыхъ заимодавцемъ, а условія договора зависѣли отъ взаимнаго соглашенія лицъ, участвовавшихъ въ немъ, какъ бы они ни были тягостны для должника. Изъ того что займы совершаемы были при свидѣтеляхъ, можно также заключить, что письменная форма договоровъ не была еще въ употребленіи. Впрочемъ, судя по отрывку XIV статьи, который

относится уже къ взысканію по долговымъ обязательствамъ, можно думать, что отъ воли заимодавца зависѣло отдать деньги въ заемъ при свидѣтеляхъ, или безъ нихъ; а въ займахъ незначительныхъ, цѣною до 3 гривенъ включительно, вовсе даже не требовалось послуховъ.

Относительно купеческихъ займовъ, особенное правило, совершенно различное отъ правила общаго, установляетъ слѣдующая статья Правды:

ст. XI.

„Аже ли кто купецъ а купцю даеть въ „купьлю куны, или въ гостьбу, то купцю „передъ послухы кунъ не имати, и послу„си ему не надобѣ, нъ ити ему самому ротѣ, „оже ся почнеть запирати."

Отсюда видно, что купцы, въ долговыхъ обязательствахъ между собою, не нуждались

въ свидѣтеляхъ, какъ бы ни великъ былъ заемъ. Заимодавецъ могъ всегда запирающагося должника принудить къ уплатѣ долга, присягнувъ лично въ томъ, что онъ дѣйствительно далъ въ заемъ извѣстное количество денегъ. Такимъ образомъ отъ лицъ торговаго званія требовалось и болѣе взаимнаго довѣрія и болѣе добросовѣстности въ платежѣ долговъ. Замѣтимъ наконецъ, что въ прописанной статьѣ, указывается на внутреннюю и внѣшнюю торговлю (купля и гостьба).

Далѣе Правда устанавливаетъ общія и особенныя мѣры взысканія по долговымъ обязательствамъ. Сюда относятся:

ст. CXXXVI. (въ двухъ варіантахъ).

а., „А оже кто взищетъ кунъ или скота „на друзѣ, а онъ ся начнетъ запирати, то „оже нань выведетъ послуси, то тии пои„дутъ на роту, а онъ възметъ свое куны,

"занеже не далъ ему есть кунъ за много лѣтъ,
"то платити ему за обиду ту 3 гривны."

6. "Аже гдѣ взыщетъ кто на другѣ прочее,
"а онъ ся запирати почнетъ, то ити ему на
"изводъ предъ 12 человѣка, да аще обидя не вдалъ
"будетъ, достойно ему свои скотъ, а за обиду
"3 гривнѣ."

ст. XLIV.

"А послуховъ ли не будетъ, а будетъ ли кунъ
"3 гривны, то ити ему про свое куны ротѣ, бу-
"детъ ли болье кунъ, то речи ему тако: промо-
"ловался еси, оже еси не поставилъ послуховъ."

ст. LV.

"Аще кто многимъ долженъ будетъ, а при-
"детъ гость изъ иного града, или чюжь земецъ, не
"вѣдая запустить за него товаръ(126), и не хочетъ
"гостю дати кунъ, а первыи должники начнутъ

(126) Здѣсь слово товаръ употреблено въ значеніи пред-
метовъ торговли.

„ему запинати; тогда вести его на торгъ и „продати, и дати прежде иноземцу, а домашнимъ что ся останетъ тымъ подѣлятъ. — „Аще за нимъ будутъ княжи куны, то княжи куны прежъ имати, а прочее въ дѣлъ; „а кто много рѣза ималъ, тому не имати „кунъ."

ст. XLI.

„Аже который купѣць, шедъ, кдѣ любо съ „чужими кунами, и истопиться, любо рать „възметь, а любо огнь, то не насилити ему, „ни продати его, но како почнеть мочи отъ „лѣта платити, такоже и платить; зане „же пагуба отъ Бога есть, а самъ не ви„новатъ есть. Аже ли пропьется или „пробієтьса,[127] а въ томъ безумии чюжь

(127) Раковецкій переводитъ это слово: — проиграется, основываясь на томъ, что и теперь у простаго народа въ употребленіи многія игры, при которыхъ имѣетъ мѣсто битье, біеніе; на пр.: когда бьются объ закладъ, бьются на кулачки, бьютъ яйцы на праздникъ воскресенія Христова, бьютъ бабки и т. п. Cf. Rakowiecki, Pr. R. T. 1. стр. 20, T. 2.

„товаръ испортить, то како любо имъ чье то „куны, ждутъ ему, а своя имъ воля, продадять его, своя имъ воля."

Первыя двѣ изъ приведенныхъ статей имѣютъ въ виду тотъ случай, когда должникъ отпирается отъ своего долга и не хочетъ платить заимодавцу. Заимодавецъ долженъ тогда вести отвѣтчика передъ 12 мужей(128), поставить тѣхъ свидѣтелей, которые были при заключеніи условія займа и, ежели они объявятъ о томъ подъ присягою, то заимодавецъ получаетъ свои деньги и сверхъ того 3 гривны за обиду, если должникъ въ теченіе многихъ лѣтъ не платилъ ему долга. Впрочемъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, ежели заемъ былъ не болѣе 3 гривенъ; то, какъ при совершеніи его,

стр. 96 и 77, также 141, примѣч. 58.

(128) Эверсъ думаетъ, что эти 12 мужей были избираемы изъ среды всего общества (своего міра) и что они представляли собою это общество. Въ нихъ также видитъ онъ начало суда присяжныхъ. Сравн. das älteste Recht der Russen S. 300 и 301.

такъ и при взысканіи, свидѣтелей не требовалось, подобно тому какъ не требовалось ихъ и во взаимныхъ долговыхъ обязательствахъ между купцами; — въ этихъ случаяхъ истецъ самъ долженъ былъ утвердить присягою справедливость своего притязанія. Но если заемъ, цѣною выше 3 гривенъ, совершенъ былъ безъ свидѣтелей, а должникъ въ послѣдствіи времени сталъ отпираться отъ своего долга, то неосторожный кредиторъ долженъ былъ потерять искъ свой и такимъ образомъ наказываемъ былъ за свою милость или снисходительность. „Промиловался еси, оже еси не поставилъ послуховъ", говоритъ ему законъ устами 12 мужей.

За тѣмъ въ ст. LV и XII заключаются правила о не состоятельныхъ должникахъ и конкурсѣ. Замѣтимъ прежде всего, что въ этихъ правилахъ не упоминается вовсе о долж-

ной несостоятельности или злостномъ банкротствѣ; конечно это преступленіе не было еще извѣстно безхитростнымъ людямъ того времени и составляетъ жалкую принадлежность позднѣйшихъ, болѣе образованныхъ вѣковъ. Но Правда весьма ясно различаетъ несостоятельность, происшедшую отъ какого нибудь несчастнаго случая и несостоятельность, которой причиною была виновная неосторожность должника. Въ первомъ случаѣ, когда причиною несостоятельности было несчастіе, напримѣръ потопленіе, пожаръ или ограбленіе купца военными отрядами, законъ воспрещаетъ заимодавцамъ употреблять какія нибудь понудительныя мѣры противу несчастнаго должника, а тѣмъ болѣе продавать его, для удовлетворенія себя, поставляя имъ на видъ начала Христіанской Религіи и вѣры въ Провидѣніе (занеже пагуба

<u>отъ Бога есть, а самъ не виноватъ есть</u>). Однакожъ несостоятельный должникъ, сдѣлавшійся таковымъ по какому нибудь несчастному случаю, не освобождался вовсе отъ платежа своимъ кредиторамъ; напротивъ, онъ долженъ былъ (вѣроятно по взаимному соглашенію съ заимодавцами) разложить платежъ на извѣстное число лѣтъ и уплачивать ежегодно, или въ опредѣленные сроки, положенную при раскладкѣ сумму, пока не заплатитъ долгъ свой сполна.

Такимъ образомъ въ постановленіи о несчастномъ несостоятельномъ должникѣ видно, съ одной стороны, желаніе оберечь цѣлость имущества заимодавца, съ другой, состраданіе къ несчастію и желаніе облегчить снисходительностію участь должника. Оба эти начала еще явственнѣе

обнаруживаются въ правилахъ о несостоятельности происшедшей отъ собственной вины или неосторожности должника; но и здѣсь также чувство сострадания беретъ верхъ надъ строгостію, на которую заслуживаетъ промотавшійся пьяница или игрокъ должникъ. Законъ какъ будто не смѣетъ отказать заимодавцамъ въ средствахъ удовлетворенія себя и предоставляетъ имъ право продать даже для этой цѣли несостоятельнаго должника; но, съ другой стороны, онъ намекаетъ имъ і на то, что они могутъ отсрочить взысканіе и дать такимъ образомъ должнику время къ исправленію себя и своихъ торговыхъ обстоятельствъ /: Како любо тѣмъ чье то куны - ждуть ли ему, а своя имъ воля; продадять ли кю, а своя имъ воля :/. Какая удивительная разница между постановленіями древнѣйшаго памятника Русскаго За-

конодательства и постановленіями безчеловѣчно строгихъ Римскихъ Децемвировъ!

Есть однако случай, когда законъ обнаруживаетъ больше настойчивости во взысканіи долга, именно, когда въ числѣ заимодавцевъ несостоятельнаго должника есть гость изъ чужаго города, или чужеземецъ. Чувство національной гордости, столь сильно развитое теперь во всѣхъ народахъ Славянскаго племени, было какъ видно не меньше сильно и въ древнѣйшемъ періодѣ ихъ общественной жизни. Это-то чувство похвальной гордости, въ соединеніи съ правилами гостепріимства и желаніе показать чужеземцамъ, что они, ни въ какомъ случаѣ, не должны бояться за цѣлость своего имущества, было конечно руководительною мыслію законодателя, при установленіи слѣдующаго правила: Если чужеземецъ, не зная о критическихъ обстоятельствахъ

торговца, отпустившъ ему товаръ, за который тотъ не въ состояніи будетъ заплатить, будучи должнымъ многимъ другимъ заимодавцамъ требующимъ также удовлетворенія; то несостоятельнаго должника надобно продать на торгу и, удовлетворивъ прежде всего претензію иностранца, потомъ заплатить долгъ Князя (ежели былъ таковой), остальное же раздѣлить между своими, домашними заимодавцами, вѣроятно соразмѣрно капиталу каждаго. Тотъ однакоже изъ заимодавцевъ, который бралъ слишкомъ много процентовъ, въ случаѣ открывшейся несостоятельности должника и конкурса, не имѣлъ права на дальнѣйшее удовлетвореніе.(129)

И такъ, основное правило конкурсовъ было то, что претензія Князя, а если былъ иностранецъ, то прежде еще его претензія, удовлетворяемы

(129) Что значило много процентовъ? на это вѣроятно надобно искать отвѣта въ постановленіи Владиміра Мономаха о ростѣ. см. XV изд. Калачава стр. 86.

были сполна; остальные же, туземные заимодавцы, исключая слишкомъ корыстолюбивыхъ ростовщиковъ, дѣлили остатокъ суммы, вырученной за продажу несостоятельнаго должника, сообразно величинѣ капитала каждаго изъ нихъ.[130]

(130) Въ такомъ же духѣ написаны нѣкоторыя статьи договора Мстислава Давидовича съ Ригою и Готландіею, такъ что можно думать что онѣ составлены были подъ вліяніемъ нашего памятника. Вотъ текстъ ихъ, по изданію Раковецкаго (Т. 2, стр. 23 и 24). Ст. VI. „Аже Латининъ дасть Роусиноу товаръ свой оу дълго, оу Смольньскѣ, „заплатити Немчиноу первѣе, хотя бы иному кому виноватъ былъ Роусиноу: тако оуряти Роусиноу оу Ризѣ „и на Готьскомь березѣ." Ст. VII. „Аже разгнѣваіеться „Князь на своего чл҃вка, а боудѣте винъватъ Немчиню „Роусинъ, а отнять Князь все, женоу и дѣти у холопьство, „первоіе платити іемоу Латининоу, а потомъ Князю „какъ любо съ своимъ ч҃лвкмъ: таку правду взяти Роусиноу оу Ризѣ и на Готьскымь березѣ."

Подобно тому какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи къ обезпеченію долговыхъ обязательствъ, Правда установляетъ особенныя правила о долгахъ, сдѣланныхъ людьми не свободными — холопами. Мы уже имѣли случай видѣть, говоря о возвращеніи бѣглыхъ рабовъ ихъ господину, что послѣдній получалъ при томъ добытый холопомъ его во время бѣговъ товаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ на себя и всѣ долги его. Кромѣ этаго постановленія есть еще и другія, указывающія на обязанность господина платить долги за своего раба. Сюда относятся:

ст. LVII.

„Аже кто пустить холопа въ торгъ, а одолжаеть; то выкупати его господину, а не лишитися его."

ст. LVI.

„Аче же холопъ кдѣ куны вложитъ,[131]

(131) Въ нѣкоторыхъ спискахъ написано: выложетъ — это кажется правильнѣе. Ср. Изд. Калачова, стр. 100.

„а онъ будетъ не вѣдая вдалъ, то господину
„выкупати и, али лишитися ему его; вѣ-
„дая ли будетъ вдалъ кунъ, то кунъ ему
„лишитися."

Итакъ, кто дозволилъ своему холопу заниматься торговлею, тотъ обязанъ былъ платить за него всѣ долги. Выраженіе: выкупати его господину, а не лишитися его, скорѣе указываетъ, по моему мнѣнію, на обязанность господина выкупать задолжавшаго раба, нежели на право не лишиться его. Но если бы даже рабъ, не имѣющій позволенія отъ своего господина на производство торга, взялъ у кого нибудь деньги подъ видомъ свободнаго человѣка, а заимодавецъ не зналъ дѣйствительно о томъ, что онъ даетъ деньги рабу; то и въ такомъ случаѣ хозяинъ раба долженъ или выкупить его, или предоставить въ распоряженіе заимодавца. Напротивъ, если же заимодавецъ зналъ, что онъ даетъ день-

ли чужому холопу, то онъ лишался возможности получить ихъ обратно.

Наконецъ къ мѣрамъ огражденія долговыхъ обязательствъ надобно отнести постановленія, опредѣляющія взаимное обезпеченіе закупа и его господина. Мы видѣли уже что закупъ, — взявшій извѣстную сумму денегъ у своего господина, долженъ былъ въ теченіи опредѣленнаго времени заслуживать долгъ свой. Если онъ въ продолженіи этаго времени бѣжалъ отъ господина, то, бывъ пойманъ, обращался за наказаніе въ полнаго, обѣльнаго холопа. Но не каждая отлучка закупа, хотя бы даже и самовольная, считалась побѣгомъ, за который господинъ имѣлъ бы право поработить его. Напротивъ, если закупъ явно отлучается для взысканія долговъ, или же уходитъ по причинѣ обидъ наносимыхъ ему господиномъ его, ища правды у Князя, или у судій

(быть можетъ также у 12 мужей), то законъ предписываетъ дать ему правду. Если же, въ особенности, закупъ докажетъ, что господинъ продалъ его подъ видомъ своего раба другому, то онъ освобождается отъ дальнѣйшей выслуги и уплаты взятыхъ имъ въ заемъ денегъ, и сверхъ того господинъ обязанъ заплатить за такую обиду, нанесенную свободному человѣку, 12 гривенъ продажи. Безпристрастіе закона, достойное удивленія нашего времени. Изложенныя начала заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ:

ст. XVII.

„А же закупъ бѣжитъ отъ господы, то „обель. Идеть ли искать кунъ, а явлено ходить, или къ князю, или къ судіямъ бѣжитъ, „обиды дѣля своего господина; то ему про то не „роботять его, но дати правду ему."

ст. XX.

„Продасть ли господинъ закупа обель, то „и наймиту свобода въ всѣхъ кунахъ, а господину платити за обиду 12 гривенъ продаже."

Таковы были мѣры огражденія долговыхъ обязательствъ.

Въ заключеніе моего изслѣдованія скажу еще, что древнѣйшее Русское законодательство не оставило безъ вниманія имущества малолѣтнихъ и постановило мѣры для охраненія его отъ растраты тѣми лицами, которыя должны были заботиться объ осиротѣвшихъ дѣтяхъ. Постановленія сюда относящіяся заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ:

ст. LXVIII.

„Аже ли будуть у мужа въ дому дѣти „малы, а не дѣжи (дюжи) ся будуть сами

„собою печеловати, а мати имъ поидетъ за
„мужь, то кто имъ ближеи будетъ, тому же
„дати ихъ на руцѣ и съ добыткомъ, и съ до-
„момъ, донелѣже возмогутъ. А товаръ дати
„имъ передъ добрыми людьми, а что сърѣ-
„зитъ товаромъ тѣмъ, или пригоститъ,
„то то ему собѣ, а истый товаръ воротитъ
„имъ, а прикупъ ему собѣ, занеже онъ
„прекърмилъ и печаловался ими. Аже ли
„отъ челяди плодъ, или отъ скота, то то
„все поимати лицемъ; что ли будетъ исто-
„рилъ, то то ему все платити дѣтемъ
„тѣмъ."

ст. LXIX.

„Аже же и отчимъ прииметъ дѣти
„тѣ съ задницею, и то такоже имъ есть
„рядъ, якоже ся изрядилъ; а дворъ безъ дѣла
„отень всяко меньшему сынови."

ст. LXX.

„А ежели жена въ речеться сѣдѣти по „мужи, а ростеряеть добытокъ и пакы по- „идеть за мужь и то плати ей все дѣтем."

Отсюда явствуетъ, что была ли опекуншею мать или опекуномъ ближайшій родственникъ, или наконецъ вотчимъ, во всякомъ случаѣ, имущество малолѣтнихъ было обезпечено. Ближе всего, разумѣется, опека надъ дѣтьми должна была принадлежать оставшейся въ живыхъ матери, но ежели она находясь во вдовствѣ растратила ихъ имущество и потомъ вышла опять за мужъ, то должна была заплатить за все утраченное. Опекунъ родственникъ — также обязанъ былъ вознаградить всѣ убытки, происшедшіе въ имуществѣ малолѣтнихъ, во время его управленія; но въ вознагражденіе его за труды, законъ предоставляетъ въ его пользу все что было имъ

приторговано или приращено къ имуществу малолѣтнихъ, поступившему въ его завѣдываніе, исключая приплодъ отъ скота и рабовъ, какъ не зависящій отъ воли и распоряженія опекуна, а отъ самой природы. Что касается до вотчима, то кажется онъ могъ быть опекуномъ малолѣтнихъ пасынковъ и падчерицъ своихъ (падѣтей?) не иначе какъ по особому договору (ряду), заключаемому между нимъ и *добрыми людьми*, при которыхъ отдаваемо было имущество малолѣтнихъ, или между нимъ и родственниками. Условія договора зависѣли отъ взаимнаго соглашенія (*якоже ся изрядитъ*); но конечно основаніемъ его служило то правило, что ввѣряемое опекуну имущество малолѣтнихъ должно быть возвращено имъ въ цѣлости, по достиженіи совершеннолѣтія, въ противномъ же случаѣ надобно было *заплатить* всѣ убытки.–

Закрывая листы древнѣйшаго памятника Русскаго Законодательства, доставившаго мнѣ главный матеріалъ для настоящаго труда, я не могу не повторить моего удивленія, что законодательство столь еще юное, могло уже съ такою отчетливостію понимать частные интересы и постановить столь полныя мѣры для ихъ огражденія. Едва ли можно еще сомнѣваться, что Правда Русская есть по преимуществу сборникъ постановленій частнаго права.